

УЛЬЯНА МУРАТОВА



ПРОКЛЯТИЕ РОДА БОЛЛАРОВ:

ПРОПАЛА
ПРИНЦЕССА!
НАШЕДШЕГО ЖДУТ НЕПРИЯТНОСТИ

Проклятие рода Болларов

Ульяна Муратова

Пропала принцесса!
Нашедшего ждут неприятности

«Автор»

2025

Муратова У.

Пропала принцесса! Нашедшего ждут неприятности /
У. Муратова — «Автор», 2025 — (Проклятие рода Болларов)

Бывают миссии невыполнимые, а бывают невыносимые! Когда офицера Службы Имперской Безопасности взрывом портала закинуло в другой мир, он не особо расстроился — случилось и не такое. Когда в том мире нашлась давно похищенная принцесса, он смирился с необходимостью вернуть её отцу любой ценой. Но когда принцесса заявила, что теперь он якобы должен на ней жениться, Мелен Роделлек вышел из себя. В драконову бездну такие приключения! Никогда жениться он не собирался! Да только кто бы его спрашивал...

Содержание

Первая неприятность, связанная с ожиданием	5
Вторая неприятность лунного характера	11
Третья неприятность, произошедшая из-за слишком глубокого декольте	20
Четвёртая неприятность, возникшая из-за кровати	28
Пятая неприятность, вселоарельского масштаба	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ульяна Муратова

Пропала принцесса!

Нашедшего ждут неприятности

Первая неприятность, связанная с ожиданием

Тридцать первое эбреля 1135-го года (Десятое июля 2025-го года). Поздний вечер

Принцесса Валерианёлла Лоарельская

Предвкушение, острое и будоражащее, жгучим соком разлилось по телу, и я проснулась, переполненная им до краёв. Сегодня? Неужели уже сегодня?

Столько лет изматывающего ожидания, столько вещих снов, столько осторожных попыток заглянуть в ещё не случившееся – всё постепенно сходилось в одной точке. Будущее, выстраданное и вырисованное тысячами аккуратных, сдержанных мазков, наконец проступало во всей неотвратимости, ложась вуалью новой реальности на тихий, затерянный в холодной тьме маяк.

По венам заструился чистый адреналин, и я часто задышала, наэлектризованная нетерпением, хотя ни единый посторонний звук не нарушал ночного покоя. Только внизу привычно гудел генератор, а за окном бушевал очередной шторм.

Ненавижу бешеное ледяное море, затихающее едва ли на пару дней в году.

Ненавижу маяк, ставший моей тюрьмой.

Ненавижу одиночество.

Но это ерунда – всё изменится совсем скоро. Возможно, даже сегодня.

Я выпорхнула из постели и быстро оделась в удобные спортивные, а потом на секунду задумалась и сняла их, достав из шкафа новый домашний костюм из мягкого бархата, ждавший особенного часа. Таких у меня было три – вишнёвый, абрикосовый и малиновый. Выбрала последний и внимательно осмотрела себя в зеркало.

Очень даже неплохо, учитывая, что на ближайшие двести миль из конкуренток только чайки – жирные, крикливые и ненакрашенные. Не самый популярный у мужчин типаж, в сравнении с которым я определённо выигрываю. Нет, мой герой точно не устоит! Придёт, спасёт, влюбится – как и предназначено.

Я включила любимую песню на повтор, и она разлилась по пустому помещению звенящим гимном моего ожидания.

Огромных усилий стоило не подсакивать на месте от переполняющих эмоций, требующих срочных действий – хоть каких-то! Понадобилась вся воля, чтобы вести себя как обычно, лишь бы не спугнуть бесшумно крадущееся предназначение. Будущее всегда зыбко, и любое неосторожное слово или жест могут изменить его безвозвратно, поэтому я старательно держала себя в руках.

Правда, всё же натянула провокационно откровенный топ, едва ли не лопающийся по швам в попытках вместить мои достоинства. Я не специально такой купила – просто не угадала с размером, а о возвратах в этих гребнях речи не идёт – ну нет под соседним буруном пункта выдачи, всё никак не откроют.

Хорошо страдать на большой земле – можно заказать себе доставку роллов, масочку какую-нибудь, сериальчик скачать и посмотреть. А у меня что? Максимум можно пойти среди валунов погулять. Если повезёт – краба дохлого найти или с чайкой подраться. Список воз-

можных развлечений на этом заканчивается, потому что интернет здесь – на удачу, из стабильного в нём только то, как регулярно за него снимают деньги.

А из собеседников – лишь зеркало и оставленный каким-то шутником портрет лысеющего господина. Мы с Олеанной долго не знали, кто он и зачем висит такой серьёзный здесь, на маяке, поэтому не трогали, а когда узнали, что это вождь мирового пролетариата, – уже сроднились и снимать не стали. Какой-никакой, а мужик в доме. Если так подумать, то не хуже многих – не орёт, не пьёт, не бьёт, морально поддерживает. Денег, правда, не зарабатывает, но зато и не тратит. И не изменяет. В общем, практически идеальный муж.

Подпевая, нарочито медленно расплела чуть-чуть влажную косу подрагивающими от нетерпения пальцами, тщательно расчесала волосы и заплела заново потуже, закрепив резинкой с розовым бантиком – для настроения. Вообще, традиционный цвет моей семьи – королевский зелёный, но он слишком сильно напоминал о море, поэтому я предпочитала яркие оттенки, чтобы хоть как-то разбавить беспросветность своих будней.

Осторожно прислушиваясь к мнимому спокойствию маяка, спустилась на кухню и приготовила ароматный земляничный чай, который хранила на особый случай. Достала вазочку и красиво разложила в ней конфеты и зефир.

Выглянула в окно, но за последние несколько часов пейзаж остался прежним – унылый, затерянный остров кляксой чернел на тёмном лазурно-зелёном вельвете ледяного моря.

Но всё изменится. Сегодня? Завтра? На следующей неделе?

Меня накрыло таким сладким предвкушением, что всё тело задрожало, и я чуть не выронила кружку из рук, но всё же справилась с бушующими едва ли не сильнее шторма эмоциями.

Скоро. Совсем скоро.

Оставив на столе недопитый чай, я всё же не удержалась и взбежала по винтовой лестнице на самый верх – в бывшую фонарную комнату, отделённую от остального маяка тяжёлой дверью.

Сквозь стеклянные стены луна заливала светом почти всё пространство круглой комнаты. Когда-то её центром был прожектор, но старая карга от него избавилась – теперь по полу змеился узор портала, напиваясь лунной энергией и мягко пульсируя в её нежном сиянии.

Значит, всё-таки сегодня...

Вот какой прок от дара прорицания, если всё равно не знаешь, как именно сложится будущее? Вариантов – как птичьего помёта на скалах, и качества они примерно такого же.

Кто придёт первым – старая карга, которая хочет убить, или мой герой, который должен спасти?

Портал налился силой и вспыхнул, а в центре узора начала формироваться фигура. Сердце оглушающе сильно забило о рёбра, как море штормовыми волнами бьётся об основание маяка.

Как же долго я ждала этого момента!

Фигура наливалась темнотой и обретала плотность. До рези в глазах вглядываясь в сотканный из магии силуэт, я прошептала:

– Ну, здравствуй...

Магическое сияние ослабло, когда фигура обрела человеческие черты.

Разочарование было таким сильным, что во рту появилась горечь.

Старая карга деловито осмотрела залитую лунным светом комнату и перевела взгляд на меня:

– Ждёшь? Умничка. Не искать же тебя по всему острову? – фальшиво улыбнулась она.

Мы обманывали друг друга уже очень много лет. Она делала вид, что заботится о моём благополучии и желает добра. Я в ответ делала вид, что верю, помогаю и не знаю о её истинной цели. И каждая считала, что её ложь искуснее.

– Ясной ночи, – сдавленно пожелала я.

– Валери, ну что ты опять куксишься? – всплеснула она руками и ласково продолжила: – Я же миллион раз говорила, что заберу тебя обратно в Лоарель, когда обстановка там поутихнет. Императорская семья погибла, ты – единственная наследница престола, которую мало кто жаждет видеть живой. Нужно сначала сформировать мощную коалицию и только потом возвращать тебя обратно... – опять прозвучала старая ложь. – Ты почему к ритуалу не подготовилась и полы не помыла? Давай поторапливайся. У меня не так много времени. Ты же не хочешь лишиться магии? Тогда надо провести ритуал. Ты же всё понимаешь!

Я ничего не ответила.

Если бы не знала правды, то верила бы, настолько убедительно выглядела старая карга. Для всех, кто не знал её сущности, она казалась беззащитной милой старушкой. Для меня – ведьмой с водянисто-бледными глазами, сморщенной, как мятая бумага, кожей, изрезанным морщинами ртом и брылями, мягкими складками переходящими в дряблую шею. Лишь на правом виске по-молодому ярко горела родовая печать.

Обычно с возрастом магические способности ухудшаются и постепенно увядают, хотя сильные маги живут чуть дольше остальных. Однако стоящая передо мной изворотливая, беспринципная старуха наверняка нашла способ удержать иссякающую магию в тщедушном теле или даже усилить её. Кто знает, на что ещё она способна? Портал же смогла выстроить, пока остальные считают это невозможным...

– Ну, не дуйся, Валери, – с ласковым укором проговорила она и поставила к стене большой баул. – Я принесла тебе свежих ягод и сладостей. Всё лучшее – для моей принцессы.

Последнее слово прозвучало издёвкой.

Принцесса из меня – как балерина из пингвина. Слишком рано меня похитили из родного дворца, чтобы я успела впитать положенные знания и научиться вести себя сообразно статусу. Вернее, кое-чему всё же научилась, да и Олеанна постаралась привить мне достойные манеры, но откуда простой гувернантке знать, как воспитывать настоящих принцесс? Речь же не об этикете, а о дипломатии, умении из вороха слов вычленить главное, способности распознать угрозу до того, как она превратится в удар, а также просчитывать свои действия на десятки ходов вперёд.

Этому мог научить только отец. Его и брата Трезана я часто видела в снах – они были живы и искали меня. Просто искали в нашем родном мире, Доваре, а не здесь, на задворках чужой цивилизации. Никто даже не предполагал, что старой карге удалось создать стабильный межмировой портал и регулярно пользоваться им. И саму её в похищении никто не подозревал, настолько умело она всё обставила и даже показательно «искала» меня вместе со всеми.

Я изо всех сил саботировала с маниакальным упорством повторяемый ритуал, однако ни отказаться, ни сбежать не могла, потому что это перечеркнуло бы мои шансы вернуться домой. Чтобы сохранить свою ценность в глазах старой карги и дать ей повод возвращаться, мне приходилось терпеть и притворяться душой.

Мне ни за что не удалось бы собрать в этом мире столько магии, чтобы хватило на открытие портала в родной мир, да и формулы я не знала. После ухода старой карги часть знаков всегда оставалась на полу, но это лишь составляющая более сложной схемы, делиться которой она не стала бы даже под страхом смерти – смысла для неё в этом не было никакого. Она скорее унесла бы знания в могилу и навсегда оставила меня в чужом мире, чем позволила бы вернуться домой.

Был ещё один вариант – сбежать с опостылевшего острова и затеряться в этом мире, но это означало бы, что я никогда не встречу своего героя и не увижу семью.

Именно поэтому я притворялась, что верю ей, и участвовала в ритуале, который с каждым месяцем становился всё опаснее – в прошлый раз он едва не закончился развеиванием моего духа, но для старой карги это значения не имело – он для неё ценности не представлял.

Я молча сходила за ведром с водой и тряпкой, а затем принялась отмывать ненужные знаки с пола, на котором находилась общая ритуальная схема – шесть концентрических окружностей. Они были вырезаны на отполированной каменной поверхности для удобства. Оставалось лишь дорисовать между ними символы, наполнявшие ритуал смыслом, как напиток наполняет фужер, превращая его в орудие убийства ядом, инструмент исцеления зельем или просто источник хмеля.

Как фужер не может влиять на своё содержимое, так и эти круги не несут зла, но я с детства ненавидела их даже сильнее, чем ледяное море.

В том, что старая карга заставляла готовить место ритуала, который должен был меня же и прикончить, была какая-то извращённая ирония, бесившая до красных пятен в глазах. Но я стискивала челюсти и делала всё, чтобы не вызвать у своей экзекуторши подозрений. Притворялась тупой и покорной, чтобы она раз за разом возвращалась с новыми вариантами ритуала.

Я искренне верила, что однажды моё терпение окупится. Однако, видимо, уже не сегодня.

Мой герой опять не пришёл.

Где носит его долгожданную задницу и чем он занимается вместо того, чтобы спасти меня?

Смыв все старые символы, я смотрела, как старая карга чертит новые, превращая портал в алтарь.

Луна светила сквозь стеклянные стены почти невыносимо ярко, но мне не требовался свет – я знала эти символы наизусть. Как знала и то, что ложась на пол, вписываюсь в пятую окружность. Как знала, что буквально через несколько минут тело сначала наполнится дармовой лунной силой, а потом опустеет. После каждого ритуала усталость наваливалась такая, что хотелось сдохнуть, но я давила малодушие на корню и раз за разом заставляла себя проходить через долбанный ритуал снова и снова, хотя на восстановление потом уходили недели.

Иногда я ночами лежала здесь в свете луны и думала лишь о том, что скоро всё кончится. Только вот обманывать себя становилось всё сложнее. Три года назад я считала, что потерпеть осталось всего ничего... и вот мы со старой каргой всё ещё здесь.

– Ложись, деточка, – ласково пригласила она.

А ведь я даже не чувствовала в её голосе фальши. Знала, что она там есть, но не чувствовала её – настолько искусная актриса скрывалась в дряхлом теле некогда блистательной красоти.

Символы засветились, напиваясь силой, она побежала по вырезанным окружностям голубоватым ручейком – от краёв к середине.

подавив желание придушить свою экзекуторшу, я молча легла в центр, на холодный камень пола.

Старая карга начала дорисовывать недостающие символы так, чтобы я их не видела, а затем принялась едва слышно бормотать заклинание, вычерчивая на моей груди знаки. Она считала, что я не догадываюсь о сути ритуала, но я всё прекрасно знала и понимала – тем сложнее было терпеть.

Сила ринулась в тело, делая его лёгким. Показалось, будто я парю над ритуальным кругом, даже ощущение холода исчезло. Вобрала в себя всю силу, до которой только смогла дотянуться, а затем постаралась сродниться с ней, впитать каждой клеточкой – так, чтобы её нельзя было отнять у меня.

Вторая часть ритуала обрушилась сверху чугунной плитой. Меня придавило к полу и размазало королевским фаршем. Напевный ритм заклинания ускорился, старая карга, сияя от переизбытка магии, вливая силу в начертанные символы, и они засветились невыносимо ярко, ослепляя, проникая под кожу стылой болью и служа проводниками между мною и ею.

Теперь сила потекла из меня прочь – голубой прозрачной кровью по вырезанным в камне желобкам. Я начала отчаянно сопротивляться, не желая отдавать жизненную энергию алчному ритуальному кругу, но её тянуло из меня так яростно, что сознание стало путаным.

Я не позволила себе сдаться. Держалась изо всех сил, внешне никак не давая понять, чего мне это стоит.

Вся комната налилась магией до краёв, и единственным пустым местом в ней осталась я. Тело покинули все силы, и жадный ритуал впился в него ещё сильнее, вытягивая самую душу – ту искру жизни, которая есть в каждом. Я отчаянно боролась, не отпуская её, сжимая в груди так тесно, что она становилась крошечной.

Боги, мне ещё никогда не было настолько плохо!

Старая карга почуяла, что на этот раз ритуал работает как надо, и замерла с отчаянной улыбкой на губах.

И в этот момент всё потухло. Круг высосал из меня все силы, оставив лишь такую крупицу, которой едва хватало, чтобы дышать.

Сквозь вату изнеможения я слышала, как хмыкнула старая карга, а затем почувствовала морщинистую ладонь у себя на лбу.

– Ну полно тебе, деточка. Не всё так плохо. Зато ты не потеряешь магию...

В её голосе звучало столько заботы, что меня в очередной раз покорило от её лицемерия, но ни говорить, ни двигаться я уже не могла. Балансировала на грани яви и беспамятства, чувствуя, как она без особых усилий откатывает меня прочь от ритуального круга к стене и спиной к нему укладывает на тонкое одеяло, его же углом прикрывает сверху.

Мне действительно стало теплее. Сил двигаться не осталось, да и меня почти не осталось. Лишь робкий лунный луч лёг на лицо, словно пытаюсь утешить.

– Вот так, чтобы не простыла, лапонька моя. Полежи, отдохни. Знаю, что трудно, но как ты хотела? Магию-то надо сохранить? Надо... Потерпи, моя хорошая, не так долго и осталось. Поверь, я делаю всё возможное, чтобы ты поскорее вернулась домой, – елеиным голосом закончила она. – Вот и всё, мне пора. Старенькая я стала, не смогу остаться надолго, да и в прошлый раз мы все дела переделали, так? А ты полежишь чуть-чуть и придёшь в себя, как обычно. Благо не холодно.

Откуда в ней столько здоровья в её-то годы? Возможно, секрет долгой жизни карги как раз в том, что она забирала её у меня?

Переполненная моей силой старуха тем временем бодро загремела ведром – смывала с пола старые символы и рисовала новые, порталные. Я её не видела, но всё равно знала, что на иссохших губах застыла торжественная улыбка.

Пока я кулем лежала у стены, она открыла портал и ушла.

Мы обе понимали, что она наконец нашла верную формулу и следующего ритуала я не переживу, а значит... если мой герой не придёт до следующего совпадения полнолуний в Доваре и на Земле, то шанса вернуться домой у меня уже не будет.

Снизу доносилась до дрожи знакомая мелодия, складывающаяся в идущие из самого сердца слова:

«Расставляю все мечты по местам,

Крепче нервы, меньше веры

День за днём,

Да гори оно огнём!

Только мысли всё о нём и о нём, о нём и о нём...» *

И где мой герой? Сколько ещё его ждать? Где его носит, когда он так отчаянно мне нужен?

* Здесь и далее по тексту цитаты из обожаемой мною песни Ирины Дубцовой «О нём»

Иллюстрация: Валери



Вторая неприятность лунного характера

**Тридцать шестое юнэля 1135-го года (Двадцать пятое сентября 2025-го года).
После полуночи
Мёлен Родёллек**

Портал взорвался ослепительной вспышкой – резанул по глазам, ожёг кожу пронзительным светом и выдернул из реальности.

Мёлен только и успел подумать, что во всём есть свои плюсы. Даже в том, чтобы сдохнуть. Например, можно получить посмертно какую-нибудь красивую медальку и с чистой совестью не выполнять задание, которое стояло у него поперёк горла уже несколько лет.

Вспышка портала пронизала его насквозь и прожектором высветила все внутренности, опаливая их жаром. А свои внутренности Мелен очень любил и категорически возражал против такого обращения. Неужели нельзя сначала убить, а потом уже зажаривать заживо в сдетонировавшем чужом портале?

Он что, так много просит?

Однако Удача или, как звали норты свою переменчивую покровительницу, Эурвада над ним посмеялась. Нет, не улыбнулась, а громогласно похохотала над тем, как он ухнул в ледяной горький песок прямо у кромки воды и проехался лицом по крошеву камней.

В спину ударило, рядом повалилось чужое тело и затихло в тёмной воде.

Ртутник?

В этот момент их обоих окатило огромной волной и вмяло в скалы. Мелен, всё ещё слыша звенящий в голове задорный смех богини, едва успел сгруппироваться и оттолкнуться ногами от острых валунов. Ледяная вода ушла так же быстро, как и пришла, а он ловко взобрался по скользким камням чуть выше, куда долетали лишь брызги.

Вот же горькая дрянь! Он даже не сразу понял, что она солёная, настолько гадко стало во рту. Одежда намочла, но это ерунда.

Гораздо интереснее было наблюдать за телом Ртутника, которое сейчас лежало не самым удобным для живого человека образом – головой в воде. Мелен дождался следующей волны и убедился, что психопат, на ловлю и убийство которого были брошены все силы Службы Имперской Безопасности, всё-таки мёртв. А сам Мелен и по совместительству офицер, отвечавший за уничтожение этого опасного психопата, – всё-таки жив. И это не самый плохой расклад! Можно даже сказать – комифотный.

Хмыкнув, Мелен огляделся в поисках напарников, но никого рядом не было: из портала выпали только они со Ртутником. Дождался затишья между волнами и спрыгнул на мелкую чёрную гальку, смешанную с крупным песком. Подошвы грубых ботинок оставили на ней глубокие следы – всё же весил он немало. Подошёл к телу и отработанным движением на всякий случай свернул ему шею. Некоторые подонки имеют совершенно отвратную привычку не дышать с первого раза, поэтому приходилось проявлять небольшую настойчивость.

Убедившись, что преступник действительно мёртв, Мелен тщательно себя осмотрел и промыл в морской воде раны, сочащиеся ртутью и кровью. Лучше так, чем никак. Боль накачивала волнами, но ткань, облепившая тело ледяной коростой, действовала как естественная анестезия – охлаждала так, что даже у родившегося на севере офицера начали стучать зубы и заломило уши.

Оказав себе первую помощь, Мелен осмотрелся. До этого он успел выхватить взглядом лишь чёрный скалистый берег, нависавший над ним шербоатой громадой, а теперь поднял лицо к ночному небу.

Горло сдавило спазмом, и намокший офицер СИБа сначала откашлялся, а потом сдавленно хохотнул. Небо было чужое, и луна на нём сияла только одна. Тусклая, небольшая, ещё и неполная. Магической силы она почти не давала, и это ощущалось так странно! Будто на небосвод забралась какая-то самозванка и дрожала там, ожидая, когда же на законное место вернётся Лунолика Геста и прогонит её.

Но Геста не пришла, а самозванка так и дрожала в ночном небе – одинокая, шербатая и жалкая.

Поборовшись с огромными волнами, Мелен оттащил тело Ртутника подальше от воды, обыскал, забрал всё, что могло пригодиться, а потом натолкал ему за шиворот камней потяжелее, завязал горловину его же шнурком, потуже затянул пояс и утопил между двумя валунами, для верности придавив сверху третьим, поменьше.

Всё же появляться в новом мире в компании трупа – наверняка плохая примета. Лично у Мелена к такому гостю возникли бы некоторые, как любит говорить напарник, вопросы.

Конструкция получилась вполне устойчивая – если специально не лезть, то ни за что не обнаружишь утопленника. Хотя какой это утопленник? Первой Ртутника убила Кайра, а Мелен лишь предпринял профилактические меры против его воскрешения. Какая работа – такие и профилактические меры...

Ледяное горькое море Мелена почти dokonало и едва не утянуло на дно, сбив с ног очередной волной.

Он родился в Нортбранне, среди гор, и воду недолюбливал. Плавать, конечно, умел, но это требовало огромных усилий – не было под кожей благословенного жирка, помогающего с лёгкостью держаться на поверхности. Мелен даже лежать на воде не мог, сразу уходил ко дну, если не делал мощных гребков.

Наконец он закончил с первоочередными делами и пригляделся к отвесной стене берега, продумывая путь наверх. Несмотря на габариты, со скалолазанием дела у него обстояли куда лучше, чем с плаванием.

Стараясь не обращать внимания на задувающий в мокрые уши пронзительный ветер, Мелен опёрся ногой на небольшой валун у основания скалы, нащупал пальцами удобный выступ и подтянулся. Волны бились под ногами, а камни так и норовили выскользнуть из-под подошв, но сам обрыв был рваным и довольно удобным, буквально испещрённым сотнями щелей, прогалов и выступов, за которые удобно было хвататься.

Пока забирался на вершину, Мелен даже согрелся, а когда наконец вытолкнул себя на резкий гребень прибрежной скалы, повалился на мягкую пожухлую траву, жадно дыша. В ноздришибанул запах мокрых водорослей, отчего-то ставший более отчётливым именно здесь, наверху.

Он огляделся. Трава вокруг была мокрая, но брызги волн сюда долетали едва-едва. Значит, недавно прошёл дождь, да и кучевые облака ещё лежали на морской глади в нескольких лигах от острова.

В том, что Мелен оказался на острове, он уже практически не сомневался, слишком уж морской тут был воздух, да и в свете луны виднелись неясные скалистые силуэты других островков. Слишком крошечных для жизни, но вполне пригодных для того, чтобы о них разбиться ночью.

Он достал из защищённого кармашка на ремне две крошечные колбочки с каплями крови напарников и с помощью поискового заклинания убедился, что ни одного из них поблизости нет.

Жаль, на ремне много не потаскаешь. У Мелена имелся лишь базовый набор самого необходимого: складной нож, крошечный пузырёк с ртутью, проволочный шнур да парочка накопителей...

Башню маяка он заметил не сразу. Поначалу принял её за очередную скалу, обточенную ветром, и только потом разглядел явно рукотворные очертания.

Мелен прикинул, стоит ли снова тратить магию или поэкономить силы, но очередной порыв ледяного ветра помог развеять сомнения. Он задубел так, что аж яйца забренчали. Пришлось признать, что либо он потратит магию, либо околеет от переохлаждения, что в его случае было хоть и иронично, однако всё же неприятно.

Тщательно дозируя силу, Мелен нарисовал на груди заклинание и на секунду засветился звездой – рвущийся из тела свет мгновенно высушил и одежду, и обувь, окружив его облаком пара. На ткани, правда, остались солёные разводы, зато стало гораздо теплее. Северный подшёрсток, над которым любили подшучивать южные коллеги, неплохо выручал – тело мгновенно согрелось, а сознание обрело ясность.

Эта ясность и подсказала, что маяк ему попался такой же убогий, как местная луна, – не светил ни рожна. Однако выбором судьба не баловала, поэтому Мелен двинулся к нему. По крайней мере, в башне можно спрятаться от ветра и примерно понять уровень технологий этого мира. Если найдутся остатки масла или другого топлива, то можно и костерок затеять.

Крупной растительности на островке практически не было – так, несколько увядающих кустов да два скрюченных деревца, пожелтевших то ли от паршивой жизни, то ли по случаю осени. Однако при приближении к башне Мелен отметил некое подобие грядок. Значит, маяк не заброшен. А почему тогда не горит? Или горит?

Что-то неявное мерцало в фонарной комнате – то ли отблески местной слабосильной луны, то ли источник света.

К башне Мелен подходил осторожно, внимательно осматривая территорию на предмет ловушек и других сюрпризов, но опасения оказались напрасными – магии он не ощущал, а тяжёлая, обитая листовым железом дверь, ведущая в маяк, была заперта. Зато окна выглядели достаточно беззащитно – ни артефактов, ни банальных решёток. Хотя кого тут опасаться, на этом убогом островке? Преступного птичьего синдиката?

Башня возвышалась над скалистым островом этажей на пять и вблизи казалась ещё уже и заброшеннее, чем издалека, но одно окошко мягко светило, приглашая заглянуть внутрь.

Судя по всему, на дворе всё-таки осень. Штормовой ветер трепал рубашку, и Мелен очень сильно пожалел, что надел на роковую свадьбу Ртутника цивильное. Униформа куда плотнее и удобнее – в ней было бы не так холодно.

А погода шепчет: займи и выпей.

Устрашающего вида дверь оказалась заперта, а конструкция замка не поддавалась с первого раза. Мелен обошёл башню по кругу и посмотрел на изливающееся тёплым светом окно на уровне третьего этажа. Захотелось заглянуть. Он прикинул путь, мысленно отмечая щели и выбоины в старой кладке, по которым смог бы забраться даже новичок, а потом растёр руки, нашёл мыском ботинка упор, ухватился за ближайший выступ рукой и полез вверх.

Будучи подростками, они с братьями по каким только скалам не лазили, пренебрегая и запретами, и страховкой, и здравым смыслом. Теперь Мелен стал куда осторожнее, но уж на такую высоту смог бы забраться даже во хмелю. Да и стена попалась удобная – местами с глубокими выщербинами между крупных камней, из которых было сложено основание. Выше второго этажа каменная кладка сменялась кирпичной, по которой лезть сложнее, но с его ростом до окна дотянуться вполне реально.

Так и вышло. Он уцепился за подоконник, нашарил ногами опору, немного подтянулся, заглянул в окно и замер, едва не сверзившись вниз от неожиданности.

Спиной к нему стояла, пританцовывая, девушка с длиннющей – до самого пола – косой, одетая в плотно обтягивающие сочный зад бархатные брючки.

Воображение тут же подкинуло пару развратных вариантов: намотать такую шикарную косу на кулак, стянуть брючки и пристроиться сзади. Подобные произвольные мысли Мелен

сразу же отогнал, внимательно осматривая явно кухонное помещение с кучей незнакомых приборов и предметов.

Девушка, словно нарочно дразня, провокационно вильнула тем местом, о котором Мелен запретил себе думать, и сосредоточенно продолжила готовить. Повыше талии из одежды на ней был лишь ярко-розовый лиф, открывающий практически всю спину.

Пугать незнакомку с шикарной косой не хотелось, поэтому Мелен осторожно спустился вниз и постучал в запертую дверь – громко и продолжительно, давая девушке время одеться и привести себя в порядок.

За дверью слышалось отчётливое гудение, природу которого распознать не получилось.

Мелен постучал ещё громче, а вернее затарабанил изо всех немалых сил.

Ноль реакции.

Незнакомка то ли одевалась слишком долго, то ли решила не принимать незваных гостей. Несколько десятков выстукивающих до зелёных соплей порывов ветра спустя Мелен решил, что недостаточно хорошо воспитан, чтобы замерзнуть насмерть в ожидании, пока ему откроют.

Он снова взобрался на стену, заглянул в окно и выяснил, что девица с шикарной косой даже не сдвинулась с места – всё так же готовила и даже подпевала, вертя аппетитным задом в такт одной только ей слышимой музыке.

Мелен осторожно потянул створку окна на себя, и она неожиданно поддалась, открывая путь в тепло, напоённое вкуснейшим ароматом выпечки. Приглашения он ждать не стал – слитным движением нырнул в окно и замер, подняв руки вверх, показывая, что нападать не собирается.

Незнакомка повела плечом, словно отмахиваясь от потока холодного воздуха, но не обернулась.

Она что, глухая? Или просто беззаботная?

Мелен закрыл за собой окно и снова замер, отогреваясь и наблюдая, как плавно двигается девушка. Она здесь что, одна?

Он громко кашлянул, привлекая к себе внимание, но незнакомка лишь поправила косу, и её кончик маятником качнулся из стороны в сторону, гипнотизируя.

Точно глухая.

Мелен шагнул к девушке, преодолев небольшое расстояние, но незнакомка так и не обернулась. Он аккуратно коснулся её обнажённого плеча, уже понимая, что испугает, но какие у него оставались варианты?

Незнакомка резко дёрнулась, обернулась и с разворота попыталась садануть ему по лицу чем-то чёрным и обжигающе горячим. Он увернулся и заблокировал удар, хотя не ожидал от неё такой прыти. Кисть ожгло болью, и словно по команде заныли все остальные раны, зазвучав в теле саднящей симфонией.

В стену сбоку от него влетел комок сыроватого теста и с влажным чавком к ней прилип.

– Извините, я не хотел вас напугать! – отступил Мелен, одной рукой демонстрируя безоружность, а второй инстинктивно потряхивая в воздухе. На ребре ладони наливался розовым ожог.

Вид девушки спереди оказался даже аппетитнее, чем сзади – в тугом лифе вздымалась полная грудь, а симпатичное личико вытянулось от удивления. И без того большие зелёные глаза распахнулись до пределов, и она выронила своё оружие – раскалённую сковородку – на деревянный пол, а потом завороченно прошептала на чистом лоарельском:

– Мелен? Неужели это ты?! Боги, как же долго я тебя ждала!

К такой апории служба его не готовила. Он вытаращился на незнакомку, ещё раз прокручивая в голове факты: он явно находился в другом мире, портал однозначно вышвырнул его прочь из Довара – Мелен физически ощущал несоответствия. Воздух, магический фон, небо и звёзды – всё было иным.

Откуда тут взялась свободно говорящая на лоарельском девица, к тому же знающая его имя?!

Мелен терпеть не мог вещи и обстоятельства, увеличивающие энтропию в его привычном мире, и теперь напрягся, вглядываясь в показавшееся смутно знакомым лицо.

– Кто ты? – глухо спросил он, явственно ощущая, что ухнул в дерьмо по самые ноздри – от ситуации тянуло тем самым душком.

У него даже зубы заныли, видимо, в предчувствии, что быть им выбитыми, а этому ощущению он всегда верил безоговорочно – оно ещё ни разу его не обмануло.

– Что? – девушка вынула из ушей странные затычки, из которых лилась тихая музыка.

– Кто ты? – повторил вопрос Мелен, уже подсознательно зная ответ.

– Валерианёлла Лоарельская, – скромно ответила практически раздетая принцесса.

Самая разыскиваемая девушка всего мира, похищенная из собственной спальни восемь с половиной лет назад и многими признанная погибшей.

Мелен шагнул к ней ближе, коснулся лица и развернул правой стороной к себе, чтобы разглядеть родовую височную печать, едва различимую в скудном на магию мире. Густые светлые пряди закрывали её почти целиком и пришлось заправить их за розовое ушко, чтобы не мешали.

Принцессу подобная фамильярность не разозлила, она покорно подставила лицо под изучающий взгляд, а спустя несколько бесконечно долгих секунд спросила:

– Убедился?

Мелен сделал оперативно-тактическое лицо – одинаково тупое и задумчивое одновременно, зато не позволяющее читать эмоции. Ему впервые в жизни стало дурно настолько, что на секунду закружилась голова, а в ушах непрошенной звуковой галлюцинацией снова зазвонел задорный божественный хохот. Если так разобраться, выбитые зубы – не единственное, что ему теперь грозит.

Он влип, причём влип так, что выпутаться вряд ли получится даже чудом. За единственную дочку император лично снимет с него шкуру, покрытую не особо ценным мехом, а потом постелет у подножья трона в назидание другим нортам.

Старая клятва, столь опрометчиво данная в юности, заиграла в сознании новыми, кровавыми красками.

– Убедился, – кашлянул Мелен, убирая руки от принцессы и не зная, куда их теперь девать.

Может, вообще не стоило её трогать?

– Можешь звать меня Вáлери, – улыбнулась она, глядя на него с нежностью, которая не понравилось ему ещё сильнее, чем вся эта ситуация.

– Откуда ты знаешь моё имя? – спросил он, нахмурившись и мысленно пытаясь найти выход из западни, в которой очутился.

Вариант сдохнуть в момент детонации портала больше не казался таким уж плохим. Хороший был вариант, если так подумать. Быстрый, почти безболезненный, а главное – окончательный. Чего уж привередничать – отличный вариант.

Может, пойти рядом с Ртутником прилечь? Там, между валунов, место ещё есть...

Однако принцесса уйти не позволила бы – уже подняла с пола сковородку и вернула на плиту, а потом вцепилась в его обожжённую руку и принялась извиняться:

– Прости, я не специально, просто испугалась. Зря музыку в наушниках слушала...

– Я стучал снизу, ты не открыла. То есть вы не открыли, Ваше Высочество. А в я окно залез, потому что снаружи очень холодно.

Получается, у него было целых два практичных и простых варианта сдохнуть этой ночью, но он ими бездарно не воспользовался и выбрал третий – долгий и затейливый.

Коносьер, мать его!

– Мелен, пожалуйста, давай обойдёмся без вот этого официоза. Нам ещё предстоит много чего пережить вместе и вернуться в Кербенн, – промурлыкала принцесса глубоким, завораживающим своей приятностью голосом. – Сядь, я обработаю ожог и вот эти царапины у тебя на лице. Или у тебя не только царапины?

Она беззастенчиво воспользовалась его шоком, усадила на стул, мягко надавив на грудь, и осмотрела.

– Сними рубашку. У тебя бок сочится кровью и на плече рана. Нужно осмотреть и промыть.

– Я промыл. В море, – ответил Мелен, всё ещё не до конца веря в реальность происходящего.

Может, он всё-таки умер или галлюцинирует?

– Нет, это не годится, – решительно не согласилась принцесса, становясь серьёзной и собранной, и принялась стягивать с него рубашку.

Он безропотно позволил, ведь тот факт, что его раздевала принцесса, как-то мерк по сравнению с тем, что он случайно обнаружил её в другом мире, а она его, оказывается, ждала.

Пальчики принцессы ласково прошлись по плечу, а потом она достала аптечку и залила раны какой-то шипучей дрянью. Места порезов запекло, но Мелен не особо обращал на это внимание – перед глазами маячил глубокий вырез бесстыдно открытого лифа.

Интересно, кто именно изобрёл эту одежду, а главное – как убедил женщин её носить и не стесняться? Спасибо этому гению.

– Магии у меня не так много, либо обезболить, либо лечить. Потерпишь? – спросила принцесса, наклоняясь ещё ниже.

Он послушно кивнул, поднимая вверх руку, чтобы дать ей доступ к ране на боку.

Наконец его посетила разумная мысль, что паяться в венценосный кливидж не стоило, но её на подлёте сбила другая – разве кто-то надевает такую одежду, если не хочет продемонстрировать свою грудь во всей красе? В таком случае зачем обижать хорошего человека преступным невниманием?

Если бы он застал принцессу врасплох, она бы смутилась и прикрылась или оделась. Она же ведёт себя так, будто происходящее в порядке вещей.

В любом случае открывающийся вид хорошо отвлекал от неприятных ощущений. Мелен даже не заметил, как Валерианелла закончила накладывать заклинания и принялась обрабатывать поджившие корочки какой-то местной пахучей мазью. Затем налепила на кожу квадраты самоклеящихся бинтов и обошла его по кругу, выискивая другие раны и невзначай касаясь то плеч, то спины, от чего Мелену окончательно стало не по себе.

– Благодарю, – пробасил он, спешно натягивая рваную окровавленную рубашку, когда она закончила. – Вы сказали, что ждали меня.

– Если будешь выкать, я ни на один твой вопрос не отвечу, – она перевела на него искрящиеся радостью ярко-зелёные глаза. – А их у тебя наверняка много.

Как Мелен мог сразу не узнать в девушке одну из Лоарелей? Не сказать, что она сильно похожа на своего брата, принца Трезана, но нечто общее определённо есть, даже не считая королевской печати. Цвет глаз, ямочка на подбородке, рисунок губ.

Пока Мелен прикидывал, что делать со всей обрушившейся на него информацией, принцесса вскипятила чайник, отлепила шматок недожаренного теста со стены, отмыла пятно и навела порядок. Заботливо поставила перед ним тарелку со стопкой ещё тёплых лепёшек, несколько баночек с мёдом и разным вареньем, а потом налила ароматного чая.

– Ешь блины. Ты, наверное, голодный.

– Спасибо.

Голод был последней из проблем Мелена, но он послушно начал есть, потому что это не требовало от него ровным счётом никаких когнитивных усилий и позволяло молчать, спешно анализируя вводные данные.

А ситуация получалась на удивление паршивая.

Он оказался лицом к лицу с тем самым заданием, которое надеялся никогда не выполнять, а заодно перед сложнейшим выбором.

Принцессу однозначно требовалось вернуть в Довар, вопрос только в том, кому её отдать – нортам или лоарельцам.

Будучи нортом, Мелен был связан с малой родиной обязательствами и той искренней любовью, которую нельзя внушить, с ней можно только вырасти. Он беззаветно обожал горы, ценил прохладное северное лето и привык видеть перед глазами заснеженные пики, резко контрастирующие с изумрудными лугами огромной долины, в которой располагалась Нортбранна.

Однако восемь с половиной лет назад, в разгар поисков пропавшей принцессы, он принял решение переехать в столицу, на юг. Мучился от жары, долго привыкал к местной еде и обычаям. И цель у всего этого поначалу была лишь одна – держать руку на пульсе и доставить принцессу к Йённекам, если такая возможность представится, в чём он торжественно поклялся жизнью.

Йённеки – один из источников неутихающего брожения, происходящего на Севере. Активно поддерживают революционные настроения, оставаясь при этом в тени. Они даже не являются официальными наместниками, да и в прошлом редко когда представители этой семьи занимали кабинет префекта – эта роль отводилась Норталям, Скорникам или Дискарам.

Восемь лет назад Мелен специально выбрал работу в подразделении СИБа, не задействованном непосредственно в поисках, иначе его кандидатура вызвала бы слишком много подозрений. Тогда он был убеждённым сепаратистом и искренне желал независимости для некогда покорённой Нортбранны, хотя взгляды свои старался не выпячивать. Многие норты в тот год перебрались в южные города Империи, чтобы инфильтрироваться в разные властные структуры.

Но сейчас... Мелен стал старше, местами поумнел, местами набил ментальных шишек о факты. Завоевание Нортбранны больше не казалось ему огромной несправедливостью, превратившись в логичную закономерность – полтора века назад Лоарельская Империя была более сильным и технически развитым соперником. Исход противостояния небольшой горной страны и могущественной державы очевиден для любого здравомыслящего человека. Норты допустили ряд серьёзных дипломатических ошибок, которые и вылились в короткую проигранную ими войну.

Однако на данный момент расстановка сил изменилась: Разлом значительно ослабил Лоарельскую Империю. Боевые маги несут службу у Блокады, и перекинуть войска в другое место – слишком рискованный шаг, а нынешний император, Пеннар Первый, – мужик осторожный, дальновидный и умный. Возможно, он предпочтёт не устраивать гражданскую войну, а даровать Нортбранне столь возжеленную независимость в обмен на свою обожаемую дочь и соблюдение некоторых договорённостей.

Если Мелен вернёт дочку императору, то станет героем для лоарельцев и предателем для нортов, однако долго не проживёт – нарушенная клятва не позволит, а горячие северные парни рано или поздно встретят в тихом переулке. Возможно, это будут его собственные братья, потому что семья при таком раскладе наверняка от него отвернётся.

Если же Мелен доставит принцессу в Нортбранну, то станет героем для нортов и предателем для лоарельцев, а также причиной волнений, которые могут вылиться во что угодно. Прожить после этого долго тоже вряд ли получится – Пеннар Первый такой политической эквилибристики не простит и устранил его при первой же возможности, скорее всего, вместе со всей семьёй – в назидание другим.

Итого в сухом остатке у Мелена на руках крайне тенуозная ситуация, или, как сказал бы дед, – фунт дерьма копчёного из козла печёного.

Стараясь сохранять невозмутимость и держать в узде противоречивые эмоции, он посмотрел на лучащуюся счастьем и ничего не подозревающую принцессу, порадовавшись тому, что понятия не имеет, как открыть межмировой портал обратно в Довар. Значит, есть время поразмыслить и попытаться найти хоть какую-то лазейку, а также наконец определиться с тем, на какую сторону он встанет в полуторавековой борьбе за независимость Нортбранны.

А принцессе... он искренне сочувствовал. Не повезло девчонке родиться столь важной фигурой в чужих политических играх. Одно утешение – большинству она нужна живой.

О том, что не просто так её держали здесь, на маяке, он успел догадаться, тяжело вздохнул и наконец попросил:

– Ну, рассказывай, кто тебя похитил и зачем.

Иллюстрация: Мелен Роделлек



Третья неприятность, произошедшая из-за слишком глубокого декольте

**Тридцать шестое юнэля 1135-го года (Двадцать пятое сентября 2025-го года).
После полуночи
Принцесса Валерианелла Лоарельская**

Мелен сидел напротив, такой близкий и при этом такой далёкий – неожиданно недоверчивый, сдержанный и смотрящий на меня совсем иначе, чем в снах.

Глаза цвета стали, две ранние морщинки между светлыми бровями, суровая линия нижней челюсти – очень мужественное лицо, так хорошо знакомое мне и в то же время чуть иное. Пожалуй, даже более привлекательное в реальности – взгляда не отвести. Как и от тренированного тела – идеально сложенного и покрытого на груди, животе и руках густым золотистым ворсом, мягким и приятным на ощупь.

И голос! Я знала этот голос – то низкий и рокошующий, как далёкий гром, то обволакивающий слух мягким кашемиром.

Мне до дрожи хотелось обнять и гладить широченные плечи, изучать ладонями перекачивающиеся под кожей мышцы, зарыться пальцами в коротко стриженные соломенные кудри, но я ограничилась лишь лёгкими прикосновениями, когда залечивала раны Мелена.

Боялась отпугнуть или показаться слишком навязчивой. И стеснялась. Для него это наша первая встреча, не стоит слишком сильно напирать, поэтому я изо всех сил старалась скрыть и радость, и неловкость, и волнение – всё же передо мной сидел мой спаситель и будущий муж.

Но не могла же я накинуться на него со словами «Мелен, я твоя навеки!»

Или могла?

Он ждал ответа на свой вопрос, вот только я не хотела шокировать его вот так сразу, поэтому предложила:

– Хочешь ещё чая? Или, может, чего-то посущественнее? У меня есть уха из камбалы, это местная рыба, очень вкусная.

– Хорошо, давай уху. А рассказывать почему не хочешь? – вкрадчиво спросил он, потирая подбородок, слегка заросший светлой щетиной.

Я растерялась от такой пронизательности, впрочем, увилить не стала:

– Это не самые приятные воспоминания и несколько болезненная для меня тема. Я обязательно всё расскажу тебе, но торопиться некуда. Давай я сначала накормлю тебя и покажу маяк?

– Договорились, – после паузы согласился он. – Ты живёшь на острове одна?

– Да, – мягко ответила я, замороженно следя за тем, как его сильные пальцы спускаются к шее, а потом задумчиво почёсывают грудь.

Неожиданно волосатую грудь, которая в видениях почему-то не фигурировала, но я всегда знала, что реальность будет отличаться от снов, поэтому просто нежно улыбнулась своему герою и будущему спасителю.

– Почему?

– Сначала мы жили здесь с Олеанной. Это моя гувернантка, которую наняли похитители. Олеанна, разумеется, ничего не знала об их планах и о том, кого ей предстоит учить, и уж тем более не давала согласия на перемещение в другой мир. Но ни её, ни меня никто не спрашивал, – начала я рассказ, ставя уху греться на плиту.

Кто бы что ни говорил, а готовить я научилась отменно, и сейчас собиралась сначала накормить Мелена до состояния благодушия, а уже потом вываливать на него подробности своего заточения.

То, что придуманный мною план возвращения в Довар Мелену не понравится, я знала заранее, но он был единственным шансом на успех, поэтому стоило как-то аккуратно подготовить будущего мужа. И при этом не вешаться ему на шею, что оказалось самым сложным. И хотя штормило меня на десять баллов, я со сдержанной улыбкой подала к столу не себя, а сухарики и миску с квашеной капустой.

Неправильно мы, конечно, с блинов начали, но уж как вышло, так вышло.

– Когда нас с Олеанной порталом перетащили в другой мир и доставили сюда – на маяк – в лодке, мы дико испугались. Однако тогда мы ещё не знали всей правды, поэтому считали, что вокруг друзья. Нам сказали, что в Лоарельской Империи случился государственный переворот, отца и ближайших родственников убили, а меня смогли эвакуировать и спрятать здесь, – почти не дрогнувшим голосом пояснила я.

– Никакого переворота не было, – нахмурился Мелен. – Твои родственники живы.

– Я знаю. В четырнадцать у меня начались первые вещие сны, и тогда мы с Олеанной многое выяснили, а до этого жили на маяке добровольными узниками и даже благодарили похитителей за проявления заботы – топливо, продукты, одежду, книги. Оказалось, что содержать нас в этом мире не так уж дорого – здесь высоко ценятся золото, алмазы и бриллианты, которые довольно просто приобрести в Доваре, ведь там больше в ходу эвклазы и кевредовые сплавы, проводящие магию. Прости, ты это и так знаешь... – я растерялась, сбилась с мысли, а потом обхватила себя обеими руками, почувствовав неуверенность.

– Ничего страшного, мне интересно выслушать твою историю со всеми подробностями, даже теми, которые ты считаешь ненужными, – низким, успокаивающим голосом подбодрил он, и я окончательно растаяла в бесконечной любви к будущему мужу.

Ну разве он не чудо?

– Олеанна занималась моим образованием, но, естественно, на лоарельском. Языка мы не знали, и это служило дополнительным сдерживающим фактором: даже если бы мы встретили местных, то просто не смогли бы с ними объясниться. Кроме того, похитители внушили нам, что мужчины здесь очень опасны и с лёгкостью могут избить или изнасиловать, поэтому в первый год, когда на наш остров высадились какие-то случайные путешественники, мы просто заперлись изнутри и тряслись от страха, пока они не уплыли.

Выключила конфорку и налила Мелену большую порцию ухи, щедро сдобрив её консервированными сливками и добавив немного сушёной зелени для вкуса. Аромат по кухонному этажу поплыл такой, что мой герой с наслаждением принялся и принялся за еду, пока я села напротив и продолжила рассказ.

– Олеанна – целительница, причём не самая слабая. К счастью, в числе прочих у меня проснулся аналогичный дар. Спасибо за него и магию жизни прабабке из рода Болларов. От отца я унаследовала ясновидение, а от матери – свет, хотя небольшой целительский дар у неё тоже есть, может, он также роль сыграл. Вот такой странный коктейль получился.

– У тебя четыре дара? – удивился Мелен.

– Да, – скромно потупилась я.

– Должно быть, ты очень сильный маг. Четыре дара сразу... Никогда о таком не слышал. Даже у знакомых мне ноблардов два-три от силы, а у тех же Блайнеров и вовсе по одному.

– Но я же принцесса, род древний, вот и наслось всякого. И не думаю, что я так уж одарена. К примеру, света хватает разве что светлячок на ладони сформировать. В общем, маг я посредственный, но кое-что делать могу даже здесь, особенно в полнолуние, на пике силы.

– Местная луна почти не даёт энергии.

– Это так, – признала я очевидное. – Однако кое-что от неё получить всё же можно. Давай вернёмся к Олеанне. Она обучила меня всему, что знала и умела сама. За несколько лет мы стали очень близки. Когда нас похитили, мне было одиннадцать с половиной, а ей – двадцать два, так что она стала для меня скорее старшей сестрой, чем приёмной матерью. Она заботилась обо мне искренне, и мы жили душа в душу, пока я не увидела свой первый вещий сон.

Я запнулась, водя пальцами по рисунку скатерти. Ту ссору вспоминать я не любила, но утаивать что-либо от будущего мужа не хотела.

– Олеанна мне не поверила, ведь другая магия во мне ещё не проснулась. Она посчитала, что я принимаю желаемое за действительное. Решила, что у меня случился нервный срыв или психоз на фоне изоляции. А мне приснилось, как отец распекает Трезана за опоздание. Это было настолько ярко, настолько по-настоящему, что даже в четырнадцать я поняла, что это не просто сон.

– И что было потом? Олеанна оставила тебя одну?

– Нет, конечно! – улыбнулась я. – Она бы никогда так не поступила. Поначалу она не верила, а потом... я умоляла её ничего не рассказывать нашим похитителям, которых мы тогда считали благодетелями. Мы начали наблюдать, подмечать нестыковки, и однажды Олеанна убедилась, что я не лгу. Мне привиделось одно заметное украшение, и в следующий приезд «благодетелей» она увидела его своими глазами. Именно тогда мы осознали, что нас не прячут от жаждущих моей смерти революционеров-нортов, а держат в плену. С того дня всё изменилось. Олеанна извинилась за неверие, начала собирать информацию и действовать, а я изо всех сил ей помогала. Она постепенно убедила похитителей, что я совсем глупенькая и ленивая, отказываюсь учиться, тогда как сами мы штудировали все имеющиеся книги на предмет хоть каких-то подсказок.

Всё то время, пока я рассказывала, Мелен методично ел, не отрывая от меня пронизательных глаз.

– Что? Очень вкусная уха, – пробасил он, заметив мой взгляд.

– Рада, что тебе нравится, – зарделась я. – Так вот, о чём я? А... К примеру, описание одного из ритуалов создания накопителей мы нашли в художественной книге и с его помощью смогли запастись энергией. Камни на острове для этого бесполезны, но мы нашли выход – покупали самородки эвклаза с большой земли. Тут он тоже есть, хотя и довольно редок. Каждый раз посылку приходилось ждать по несколько месяцев, поэтому нам удалось провернуть дело лишь пять раз, но тем не менее – несколько довольно крупных накопителей у меня есть, и я подзаряжаю их почти каждое полнолуние, – с гордостью сказала я.

– Это хорошие новости. А откуда вы брали деньги? – сдержанно поинтересовался Мелен, внимательно разглядывая моё лицо. – И куда исчезла Олеанна?

– Она начала переглядки с одним симпатичным моряком. Их небольшой корабль нанимали похитители, чтобы доставлять товары и техников сюда, на остров. Обычно поставки прибывали в начале и конце лета, дважды в год. Это всегда происходило под тщательным контролем: как правило, похитители прибывали на корабле, следили за разгрузкой и закачкой топлива, а потом оставались на острове, чтобы проконтролировать отплытие. Мы с Олеанной сговорились: я отвлекала, а она, как могла, жестами объяснялась с одним из парней и попросила его вернуться. Он и вернулся несколько дней спустя. Сначала было очень сложно, он никак не мог понять, на каком языке мы разговариваем, но Олеанна его очаровала, и он остался сначала на несколько ночей, а потом приехал снова. Привёз учебники и пособия и попытался обучить нас местной речи. Мы очень старались, занимались целыми днями, и уже через пару месяцев смогли рассказать ему всю правду. Он был в шоке и предлагал забрать нас с острова, но мы категорически воспротивились этому. Зато к тому времени у нас уже имелся примерный

график посещений похитителей, так что Андрей, так его зовут, жил с нами несколько месяцев подряд, с моих пятнадцати до семнадцати.

Я на секунду замолчала, поднялась с места и сделала себе чай.

– Андрей нам очень помог. Наладил работу обоих генераторов так, чтобы основной не ломался, обучил языку, провёл на маяк спутниковый интернет, о котором похитители так и не узнали. Это такая форма связи, более эффективная, чем радиоволны. По небу высоко-высоко летают аппараты, они принимают сигнал, потом дают ответ. Можно найти и прочесть любую книгу в электронном виде или посмотреть кино – это что-то типа записи спектакля.

Я показала Мелену планшет и объяснила, как он работает.

– Поразительная технология, – он повертел его в руках и спросил: – И что случилось дальше?

– Андрей очень много для нас сделал и очень любит Олеанну. Когда мне исполнилось семнадцать, я настояла на том, чтобы они уехали. Однажды мы чуть не попались, и я решила, что риски того не стоят. Если бы Андрея застали на острове или нашли бы его вещи, то их с Олеанной могли бы убить. А так – они уехали очень-очень далеко отсюда и счастливы. Олеанна в положении и ждёт дочку, она пишет мне письма почти каждый день. Электронные. Похитителям я сказала, что она пошла ловить крабов и утонула. Так как я действительно была очень расстроена её отъездом, то рыдала вполне искренне. Я, естественно, желаю ей счастья, но всё равно оставаться одной было страшно и грустно. Однако я знала, что похитители избавились бы от неё как от нежеланного свидетеля, как только она исчерпала бы свою полезность. Присмотр за мной уже не требовался, поэтому её положение становилось всё более шатким. Я предпочла отослать её, прежде чем ей смогли бы нанести вред или использовать, чтобы шантажировать меня. К счастью, похитители мне поверили, и Олеанну никто больше не искал.

– Она не собирается возвращаться в Довар?

– Нет, она же сирота. Похитители специально выбрали такую гувернантку, которую никто бы не стал искать. Кроме того, ей понравилось на большой земле. Много нового и необычного. Да и с Андреем у них настоящая любовь, поэтому за Олеанну я не волнуюсь. Она, кстати, помогает собирать посылки для меня и иногда оплачивает интернет, хотя я и сама неплохо зарабатываю гадалкой.

– Зарабатываешь? Здесь? Но как?

– По видео. Жаль, связь нестабильная, но мне хватает, особенно если устраивать гадальные сессии по ночам. А мы с Олеанной так и сохранили ночной образ жизни, как и положено магам. Пусть местная луна не даёт столько энергии, а солнце не обжигает так сильно, но мы всё же полуночницы...

– Это хорошо, что вы постарались сохранить привычный режим, – похвалил Мелен. – Проще будет адаптироваться по возвращении на родину.

– Вот и мы так подумали, изначально-то никто не предполагал, что я застряну на этом маяке почти на девять лет... – вздохнула я и перевела тему: – Кстати, для тебя я кое-какие вещи тоже заказала, правда не уверена, что они подойдут. Ты оказался гораздо выше, чем я думала.

– И давно ты знаешь о том, что я должен был оказаться здесь?

– Пять лет, – честно ответила я. – Видения, правда, были разными, поэтому я не всегда была на сто процентов уверена, но очень ждала.

Я улыбнулась ему так ласково, как только могла.

Мелен не торопился подхватывать меня на руки и кружить по комнате, однако периодически утыкался взглядом в моё глубокое декольте и на несколько секунд залипал в нём, отчего моя улыбка становилась только шире. Вот такая я коварная – заранее знала слабости будущего мужа и планировала безжалостно их использовать, поэтому и таскала один и тот же топ, пока он наконец не сыграл свою роль.

Говорят, в любви и на войне все средства хороши, и я придерживалась именно такого мнения. У меня был ровно один шанс на счастье, и я не собиралась его упускать. На ближайшие недели Мелен целиком принадлежит мне – ему просто некуда деться с крошечного острова. За это время мне нужно успеть добиться взаимности, потому что по возвращении в Довар всё станет слишком сложно.

Отец не захочет принять безродного норта в качестве моего супруга, но... это проблема другого дня.

Щеки запекло от непрошенного румянца. Всё тело горело от волнения, стеснения и предвкушения – я ведь даже толком не умела флиртовать. Разве что видео обучающие смотрела и на парочке сайтов знакомств зарегистрировалась, но хапнула такого, что быстро удалила профили. Всё же этот мир местами был слишком откровенным и бесстыдным для меня.

Мелен уже доел уху, и я спросила:

– Ещё что-нибудь? Десерт?

– Спасибо, я не очень люблю сладкое.

– Ещё ухи?

– Давай, – согласился он, и я налила ему ещё одну полную порцию.

А потом – ещё одну. На этом уха кончилась, я достала закуски – копчёные колбаски, сыры и тонко нарезанный хамон, благо последняя поставка продовольствия была совсем недавно.

Будущий муж послушно съел всё предложенное, а потом согласился на солёную соломку к чаю. Я мысленно прикинула запасы продуктов и поняла, что немного просчиталась – нужно было затариваться основательнее. Ладно, если всё пойдёт по плану, то надолго на маяке мы не задержимся. А если не пойдёт, то удочку в руки – и вперёд.

Я глубоко вздохнула, наблюдая, как взгляд моего героя утонул в декольте ещё глубже, уже не надеясь выплыть на волю. Ужасно захотелось прижать Мелена к себе и... не знаю. Расцеловать? Обнять? Отдаться? Всё по очереди.

Однако не стоило форсировать события. Всё же нельзя вот так сразу насадить на мужика с криками о том, что он – твой будущий муж. Сбежит же...

В разговоре повисла пауза, и чем дольше она длилась, тем сильнее нарастало напряжение. Я бы руку отдала за то, чтобы узнать, какие мысли сейчас бродят в голове Мелена, но кому нужна моя рука? Явно не ему, он не торопится её просить. А задавать вопросы я не решалась, почему-то казалось, что он не ответит.

Сердце стучало всё чаще и чаще, а ещё стало жарко. Я взволнованно дышала, кожей ощущая горячий взгляд Мелена. В какой-то момент мне показалось, что он сейчас встанет с места, привлечёт меня к себе и поцелует, и от одной только мысли об этом запекло губы и закружилась голова.

Мелен наконец поднял взгляд на моё зардевшееся лицо, сердито сдвинул брови и сказал:

– Так, Валюха, нам надо поговорить начистоту и очертить эти... как их? Границы, – его пальцы при этом в воздухе очертили не границы, а скорее груди, но, возможно, мне показалось. – Начнём с того, что мы с тобой, Валюха, – товарищи по несчастью, а с товарищами вести себя нужно соответственно. Уважительно и без всяких там поползновений, – сурово пророкотал он и добавил: – Поэтому очень прошу тебя одеваться поскромнее и свой ши... шик... шибко заметный кливидж прятать.

Я широко распахнула глаза, не зная, всерьёз он говорит или нет.

– Извини, но у меня вся одежда... такая, – ласково ответила я, не собираясь прятать от него своё единственное достоинство.

– Да? Ну тогда так, – он резко поднялся с места во весь рост, подхватил с крючка кухонное полотенце, решительно шагнул ко мне и завязал его мне на шею на манер слюнявчика, чопорно прикрыв грудь. – Вот, уже лучше.

Я настолько оторопела, что даже не возразила. Сидела и смотрела на будущего мужа во все глаза, не зная плакать мне или смеяться.

– То есть ты мне предлагаешь в полотенчике ходить? – дрогнувшим голосом спросила его, не уверенная, что это всё происходит на самом деле, а не грезится в лихорадочном сне.

– Я предлагаю тебе, Валюха, не ставить товарища по несчастью в сложное положение.

– Я не Валюха, а Вáлери, – поправила я. – И если моё декольте тебе так сильно не нравится, то просто не смотри на него.

Я демонстративно сорвала с себя полотенчик и с вызовом уставилась будущему мужу в глаза.

– Ясно, – вздохнул он. – Скажи, а ты девственница?

– Что? – я поперхнулась от такого вопроса, но всё же решила, что врать смысла нет: – Ну... да. Естественно.

– Ага. А замуж хочешь?

– Конечно, – нервно заморгала я, не понимая, предложение это или какая-то издёвка.

– За меня? – пытливо спросил он. – Или за кого-то другого?

От такой вопиющей и сбивающей с ног прямоты я потерянно обхватила плечи руками.

И что отвечать?

Скажу, что за другого – обидится ещё. Я бы обиделась.

Но как-то неожиданно рано мы перешли к теме брака да и в снах никакого намёка на подобный разговор не было. А впрочем... какой смысл тянуть с неизбежным? Вот какой он молодец, сразу всё понял правильно.

– Ну... да, за тебя, – тихо подтвердила я.

– Значит, девственница с матримониальными планами. Я так и подумал, – вздохнул он и перевёл полный тоски взгляд за окно, пока я наливалась теперь уже смущённым румянцем. – Смотри, Валюха, ты у нас кто?

– Кто? – ошарашенно переспросила я, совершенно запутавшись в его реакциях.

– Принцесса. А я – сын козопаса. Между нами социальная пропасть размером с океан, и если случится какое-то недоразумение, то за яйца в тронном зале твой батя подвесит меня, а не тебя. И совсем не потому, что у тебя их нет. Так что моя тактическая задача – каким-то образом доставить тебя к твоему бате в той комплектации, в которой я тебя нашёл. Не битую, не мятую и не лишённую невинности. Так что завязывай с демонстрацией кливиджа и имей в виду, что никаких романтических отношений и тем более брака между нами быть не может. Хотелось бы заранее расставить все точки в предложениях. До того, как это может стать проблемой и возникнут некие ожидания, которых я однозначно не оправдаю. У меня с оправданием ожиданий дела вообще крайне плохо обстоят – можешь мою матушку потом на этот счёт порасспрашивать, если возможность представится. Девка ты, Валюха, очень красивая, но не для меня. Тебе батя подберёт в пару лощёного нобларда с утончёнными манерами и запахом клумбы из подмышек, а у меня с женщинами отношения всегда строятся только по одной схеме: «посношались и разбежались», поэтому свою красоту побереги для кого-нибудь другого.

Я закашлялась от такой внезапной отповеди и почувствовала себя чуть ли не шлюхой, которая с места в карьер начала вешаться на малознакомого парня, требуя на ней жениться и купить ей другой маяк в ипотеку. Но больше всего меня возмутило даже не его предположение о том, что я жажду романтических отношений с ним – это как раз правда – а то, что он считает, будто мы не можем пожениться.

Хотела ответить ему, что он не прав, но в последний момент осеклась. Вещий сон о разговоре с отцом, категорически запрещающим наш с Меленом брак, у меня действительно был, но лишь однажды, из чего я заключила, что ему не обязательно сбываться, ведь был и другой сон, в котором мы благополучно поженились. Значит, это равновероятные события.

Иногда я видела варианты будущего, которым не суждено было случиться, как тогда, когда мне приснились взорвавшийся генератор и пожар. Генератор я отключила и вовремя подключила резервный, так что никакой катастрофы не произошло.

Шах и мат, будущее!

Мелен всё ещё смотрел на меня выжидательно, а я ужасно смутилась и поняла, что настаивать на своём бесполезно. Зачем отпугивать его тем, что всё предрешиено? Лучше довериться судьбе. Пусть всё идёт естественным путём, не стоит торопить события, иначе они могут испугаться и не случиться.

– Разумеется, товарищ Мелен, – ласково согласилась я. – Как желаешь, так и будет. Сейчас переоденусь, чтобы тебя не смущать, а потом покажу маяк, – ответила я и на подрагивающих ногах поднялась с места, а потом немного даже разозлилась на себя.

Ну что я, размазня какая-то? Не хочет он жениться сегодня, пусть не женится. Кто ж его заставляет? Через пару месяцев сам передумает. Пожалуй, так даже интереснее. И вообще... он меня ещё уговаривать будет!

Повернулась к Мелену затянутым в бархат задом, качнула им на прощание и максимально грациозно – насколько позволяла узкая винтовая лестница внутри маяка – поднялась на этаж выше, в свою спальню.

О наличии только одной кровати я решила пока не рассказывать и не травмировать нежную мужскую психику. В конце концов, ни к чему принуждать будущего мужа я не собиралась – может и на улице поспать. Или на импровизированной кухне, под столом. Тащить его в постель насильно никто не будет.

Реакция Мелена меня ошарашила, но в какой-то мере я даже испытала за неё благодарность, потому что мозги, практически отключившиеся от сладкого эйфорического предвкушения, вдруг заработали снова, и я почувствовала себя свободнее. Кроме того, его позиция вызвала уважение. Очень честный и порядочный подход к делу, если так разобраться. Сразу видно, что у человека есть тормоза и принципы. А зачем мне муж без принципов, который на любую бабу кидается?

Я открыла шкаф и уставилась на свой скудный гардероб. Большая часть одежды у меня была довольно провокационная – всё же я ждала появления Мелена и знала, что ему нравятся девушки с формами, поэтому старательно выбирала вещи, эти формы подчёркивающие. Заказать что-либо с большой земли удавалось хорошо если дважды в год, а бюджет был всегда ограничен тем, что я зарабатывала на гаданиях, а ещё приходилось тратить на некоторые продукты и интернет, поэтому выбирать приходилось тщательно, подолгу читая отзывы и отдавая предпочтение максимально качественным вещам.

Естественно, у меня имелась одежда и с родины, но она была настолько неудобной и старомодной, что доставала я её только в случае крайней необходимости. Шерстяное платье с двумя плотными подъюбниками – практически гарантия падения с лестницы, так мы с Олечкой и объяснили старой карге, и она смиловилась и пару раз привозила местные вещи – удобные и необычные. К счастью, она плохо запоминала, что именно покупала, или просто не обращала внимания на нашу одежду.

Я выбрала ярко-розовую тонкую водолазку и надела её, убедившись, что она прекрасно обтянула всё, что скрыла. Потом подумала и надела под неё другой бюстгальтер – вот так-то лучше.

Улыбнулась и подмигнула своему отражению. Уехать с чёртова острова я могла ещё несколько лет назад, но приняла решение остаться и теперь ни капли не жалела ни о чём – ни об одиноких ночах под аккомпанемент грозы за окном, ни об опасных ритуалах, на которые соглашалась, ни об ограничениях, неизбежно следовавших за подобным образом жизни.

Если бы я захотела, то смогла бы найти себе пару, как это сделала Олеанна. Возможно, смогла бы даже затеряться на большой земле и спрятаться от старой карги, но для меня всегда существовал только один сценарий будущего и только один мужчина – Мелен.

Мой муж, мой спаситель и мой герой.

И теперь, когда он наконец был так близко – на расстоянии вытянутой руки – в животе от счастья порхали не бабочки, а жирные морские чайки. Нужно их уgomонить, а то испугают товарища истошными криками.

В уединении спальни я позволила себе выплеснуть эмоции – радостно сжала кулаки и зажмурилась, пережидая приступ острой эйфории, а потом степенно выдохнула и нацепила доброжелательную улыбку.

Мелен пока не понимает, что мы предназначены друг другу? Ну и пусть. Поиграем в товарищей, посмотрим, надолго ли его хватит.

Я ещё раз подмигнула себе и отправилась обратно на кухню, чтобы показать своему будущему мужу опостылевший маяк.

Четвёртая неприятность, возникшая из-за кровати

Тридцать шестое юнэля 1135-го года (Двадцать пятое сентября 2025-го года).
Глубокая ночь

Мелен Роделлек

Принимая еду и лечение от принцессы, Мелен чувствовал себя довольно паршиво.

По-хорошему, вернуть бы Валюху-Валерианеллу семье, а дальше пусть норты его именем хоть тварей из Разлома называют – ему-то уже будет всё равно. Мёртвые не гордые, и не такое стерпят. Да только не было никаких гарантий, что опрометчиво данная клятва это позволит.

В какой момент настигнет откат? В тот, когда он передаст принцессу императору с рук на руки, или в тот, когда решит не отдавать её Йеннекам? Во втором случае он лишь подвергнет Валюху ненужной опасности – врагов у императора-Косача полно даже в его собственном дворце, иначе её и не похитили бы изначально. Без защиты, одна в малознакомом мире, долго она не протянет, найдутся уроды, возжелающие её отцу по частям прислать, а Йеннеки хотя бы сохраняют ей жизнь. Да, используют в своих целях, но издеваться и голодом морить не станут – не принято на Севере плохо обращаться с женщинами.

Другой вопрос, как подобный финт с его стороны воспримет сама принцесса. Вытащить её из одного плена и засунуть в другой – подло и жестоко, особенно учитывая, с какой нежностью и надеждой она на Мелена смотрит.

В общем, жалко девчонку. Паршивый ей защитник достался. Вот если бы на остров выкинуло одного из напарников – хотя бы Эрера или Десара... Последний ей бы даже в мужья сгодился, всё ж таки целый ноблард, а не фунт драконьего дерьма.

И Валюхины томные взгляды Мелену категорически не нравились – сулили одни проблемы.

В женском поведении, многозначительных намёках и якобы случайных прикосновениях Мелен прекрасно разбирался и не менее прекрасно видел, в какую сторону дует ветер.

Если бы принцесса была тощая и страшная, то дело обстояло бы получше, но она была пышногубая, пышногрудая и пышнозадая, а эти три качества он в женщинах очень ценил, пожалуй сильнее них – только молчаливость. Немая упитанная вдова без матримониальных планов и иллюзий касательно отношений – вот его идеал. И хотя в него Валюха не вписывалась, но чисто внешне была опасно к нему близка. Ещё и коса эта... Никогда не видел таких кос, прямо так и подмывало схватить её и на руку намотать. Не коса, а сплошная провокация!

Однако, помимо других причин, воспользоваться очевидной щенячьей влюблённостью неопытной девчонки ему не позволяла ещё и совесть. Как бы сильно ни пекло в паху, она держала его за яйца куда крепче, и против этой назойливой, вьедливой сучки он идти не собирался – знал, что при одном неверном движении она его заживо сожрёт ещё раньше, чем dokonает откат от клятвы. Будто это не его совесть, а чья-то чужая, приبلудная, враждебно настроенная к его сексуальному и душевному благополучию.

Пока принцесса переодевалась, Мелен занимался не самым приятным делом – думал.

Обычно он предпочитал что-нибудь подорвать, за кем-нибудь погоняться или на худой случай подраться, а вот думать не очень любил – от этого у него всегда портилось настроение, потому что к выводам он обычно приходил неутешительным, а в людях часто разочаровывался. Логические задачки решать ещё интересно, а вот интриги он терпеть не мог, хотя по долгу службы сталкивался с ними регулярно и вынужден был иной раз распутывать.

Именно поэтому данная много лет назад клятва теперь стояла у него поперёк горла, а саму принцессу он последние годы нарочно не искал и даже отворачивался от любых новостей и слухов о её судьбе – и вот, нате!

Тяжело вздохнув, Мелен встал и принялся мыть посуду – лишь бы руки занять.

С другой стороны, сидеть с принцессой здесь, в башне, тоже как-то глупо, даже если заткнуть совесть и всласть помять простыни. Ну через сколько ему всё это надоест? Через пару месяцев? Да он тогда сам рад будет её вернуть отцу – лишь бы его уже кто-нибудь прикончил.

Никаких отношений Мелен не желал, а брак считал самой большой глупостью, которую только способен совершить мужчина.

Обычно при общении с противоположным полом он делал вид, что очень одарён физически, не очень одарён интеллектуально и совсем не одарён финансово, что сводило к нулю любую женскую заинтересованность в нём как в потенциальном брачном материале. Чаше всего смотрели на него как «взять с тебя нечего, так давай хоть потрахуемся». Принцесса же смотрела скорее как «возьми меня, я вся горю и уже придумала имена нашим будущим детям», а это заранее тяготило и, к счастью, немного сбивало настрой.

Именно на этом сбитом настрое Мелен и сфокусировался – представил, как она начнёт за ним бегать, заманивать к алтарю, ревновать и устраивать сцены... И прям отпустило немного. Ну, подумаешь, коса? Если выживет, найдёт себе бабу с косой. А если не выживет, то и беспокоиться не о чем.

Мысленно придя хоть к какому-то равновесию, Мелен домыл посуду, аккуратно вытер её полотенцем и почти равнодушно кивнул спустившейся по лестнице принцессе. Эта шикарно-косая засранка просьбу его выполнила – кливидж спрятала, только каким-то образом выглядеть при этом стала ещё аппетитнее, чем основательно поколебала с таким трудом обретенное равновесие.

Вот ведь!

– Ну что, товарищ, ты готов к экскурсии по маяку? – с лёгкой ехидцей спросила она, и Мелен почувствовал себя медведем, планомерно загоняемым в ловушку.

Огляделся, но бежать-то некуда! Взгляд наткнулся на портрет лысеющего мужика с бородкой клинышком, и в его полном мужской солидарности мудром взоре читалось сочувствие.

– Нет – мой лапидарный ответ, – неожиданно сам для себя возразил Мелен, чувствуя необходимость взять ситуацию в свои руки. – Для начала мне бы хорошо помыться. От соли вся кожа чешется. Заодно одежду постираю и зашью, не дело ходить в грязной и дырявой.

– Может, лучше я зашью? – предложила принцесса.

– Спасибо, обойдусь своими силами, – отрезал Мелен.

– Тебе дать нитки? – нарочито участливо предложила принцесса, а в зелёных глазах плясали смешинки. – Или ты надёргашь волос с груди и сплетёшь нитки из них, зато обойдёшься своими силами?

– Нет, у меня есть небольшой швейный набор, – сохраняя невозмутимость, ответил он, хотя так и подмывало подколоть её в ответ.

В массивном ремне, который он носил, действительно было несколько кармашков с самыми необходимыми мелочами – как раз на случай, если жизнь закинет в какую-то дыру.

– Ну... ладно, – слегка растерялась принцесса. – Пойдём, я покажу тебе ванную комнату. Но искупаться сразу не получится: я не включала водонагреватель, и вода есть только холодная.

– Ничего страшного, – продолжал настаивать на своём Мелен. – Мне не привыкать.

– Как пожелаешь, товарищ. Давай я тебе хотя бы запасную одежду выдам, чтобы ты не ходил в мокром? Или тоже справишься самостоятельно?

Желание сохранить хотя бы крупницы независимости нашёптывало отказаться и высушить вещи самому, но тратить магию на такую ерунду было неразумно и нелогично, так что пришлось соглашаться. Принцесса принесла вполне удобные на вид штаны с начёсом, а также большую несуразную хламиду с капюшоном, которую назвала смешным словом толстовка. Видимо, это одежда для толстых – и, надо сказать, они знали толк в комфорте.

Забавно порозовев, Валуха выдала ему ещё и трусы, которые на вид казались слишком маленькими и неудобными, но растягивались, поэтому он решил дать им шанс.

Поблагодарив, попросил проводить в ванную комнату.

Подаренная одежда понравилась хотя бы тем, что была необычной и сделанной совершенно иначе, чем та, к которой он привык в своём мире, а Мелен всегда с удовольствием изучал новое. Однако носить её он не особо хотел – получалось, будто он поддавался принцессе и начинал играть по её правилам, а он подобного не любил и с женщинами не допускал, потому что опомниться не успеешь, как увязнешь в каких-нибудь отношениях. Сегодня ты принимаешь от неё трусы, завтра вы вместе покупаете какую-нибудь приблуду для дома, а послезавтра ты уже обязан жениться. Ну уж нет! Именно поэтому подарки он обычно принимал только от семьи и напарников.

Ванная комната располагалась на уровень ниже и соседствовала с просторной кладовой, забитой под завязку. Мелену, конечно, было интересно, как устроен быт на удалённом маяке, но он с независимым видом прошепствовал в ванную, намереваясь остаться в одиночестве ещё хотя бы ненадолго.

Принцесса показала, как пользоваться благами местной цивилизации, несколько раз сверкнула зелёными глазищами, и он без особых церемоний выставил её за дверь, запершись изнутри.

Сначала разделся, сел на крышку унитаза и принялся зашивать прорехи. Получалось не сказать, что шедеврально, но приемлемо: дыр нет – и на том спасибо.

Закончив, он искупался, намочив местные самоклеящиеся бинты, но принцесса заранее оставила ему несколько запасных. Выстирал одежду и развесил так, как она показала, прямо в душе на натянутые над головой верёвочки. По наклонному полу вся вода уходила в слив в углу, так что рано или поздно всё высохнет, хотя учитывая влажность – скорее поздно.

Новые трусы ему не понравились – обтягивали, норовили складкой залезть в сердцевину шерстяного храма неприкосновенности и не давали привычной свободы, зато остальные вещи приятно удивили, оказались тёплыми и какими-то уютными, что ли.

Выйдя из ванной, он завернул в кладовую, внимательно изучив картинки и этикетки, а также заглянув во все мешки – любопытно же на местные крупы посмотреть!

Мелен напряг железу оптимизма и попытался выдавить из неё немного секрета радости – зато он попробует необычную еду, прикоснётся к чужой культуре и откроет для себя нечто новое. Один только планшет с картинками чего стоил!

Затея не удалась, а организм такому насилию воспротивился категорически – всё же железа оптимизма у него практически атрофировалась ещё в первый год работы в СИБе, зато воспалились и увеличились миндалины цинизма и скептицизма.

Принцесса ждала его на кухне, и когда он зашёл, улыбнулась и сделала непрощенный комплимент:

– А тебе очень идёт этот образ. И даже штаны почти впору.

С этим категорически не соглашались торчащие из штанин голые щиколотки, но спорить Мелен счёл невежливым и неблагодарным.

– Ещё раз спасибо за всё. Теперь, если ты не занята, давай свою экскурсию.

– Знаешь, а вообще-то, я уже занята. Вот, книжку села читать, – чуть ехидно ответила она, закинув ногу на ногу и поигрывая ярко-лиловым домашним сапожком.

Мелен сощурился:

– Как скажешь, Валуха.

– Вáлери, – поправила она, насмешливо глядя на него.

– Это для всяких ноблардов ты Валери, а для простого козопаса – Валуха, – оскалился он в ответ.

– Как скажешь, товарищ Мелен, – не стала спорить она и опустила глаза в тот самый планшет, который интересовал его самого.

Не отбирать же?

Он несколько секунд помялся, а потом пошёл на разведку в одиночестве.

Некоторое время спустя раздался рык раненого медведя:

– И как это понимать?!

Принцесса хихикнула в кулачок и сделала вид, что понятия не имеет, о чём речь.

Мелен начал с нижнего яруса.

На первом уровне, где вход в башню, располагалось подсобное помещение с гудящими аппаратами. Их гул был слышен во всём маяке, но нижний этаж отделялся от жилого пространства дополнительной обшивкой перекрытий и плотной дверью. Благодаря им наверху шум мешал не так уж сильно. Здесь же хранились разноцветные канистры из незнакомого материала и пахло какой-то химией или краской.

У входной двери, запертой изнутри на засов, стояли резиновые сапоги в весёленький цветочек и висел ярко-жёлтый блестящий плащ. Необычную ткань Мелен изучал довольно долго – до того она его впечатлила. Судя по всему, влагу она не пропускает абсолютно. Оказалось, что на самом деле плаща два – второй висел у самой стены и был на пару размеров больше. Мелен пообещал себе обязательно выйти в нём на улицу в дождь.

Со вторым этажом познакомиться он уже успел, но на всякий случай осмотрел его снова.

Третий, кухонный ярус оккупировала принцесса, поэтому он сразу же поднялся выше. Здесь находилась девчачья спальня с розовыми и фиолетовыми подушками, какими-то рюшками и небольшим шкафом с зеркалом. Трогать и разглядывать вещи принцессы Мелен не стал и сразу же двинулся дальше.

По сравнению с другими заставленными мебелью этажами, пятый практически пустовал. На полу лежали два странного вида плотных коврика, на стене располагалось зеркало, а рядом висел тёмный квадрат местной техники, в шаге от него стоял шкаф, забитый книгами на лоарельском языке. У шкафа – странной формы кресло. Мелен потрогал его и даже сел, промяв конструкцию практически до самого пола.

Если не считать этого, кресло оказалось вполне удобным, можно будет как-нибудь посидеть, почитать.

На последний этаж – шестой – вела такая же толстая дверь, что и внизу. Ключ торчал в замочной скважине, так что Мелен беспрепятственно вошел в некогда бывшую фонарной комнату. Стены круглого помещения практически полностью состояли из огромных окон, а на полу были вырезаны ритуальные круги, заполненные сейчас символами. Мелен увлёкся, разглядывая их, и решил поскорее перенести на бумагу все выкладки и расчёты, которые успел увидеть в мастерской Ртутника – пока не забыл.

Память у него была феноменальная, но испытывать её всё же не стоило.

Пока спускался на уровень ниже, чтобы попросить блокнот и карандаш, вдруг замер посреди лестницы, как приглашенный летучим параличом.

А ведь спальня тут всего одна. И кровать одна! И где ему спать? Не с принцессой же?

– И как это понимать?! – громче, чем следовало, рявкнул он, обращаясь не столько к ней, сколько к обстоятельствам.

Ответом ему послужила тишина, разбавленная гулом с первого этажа и завыванием ветра с шестого.

Он спустился в кухню и уставился на принцессу, на чьих губах подрагивала улыбка, которую она безуспешно пыталась сдержать.

– Ты сказала, что вы здесь жили троём – ты, Олеанна и Андрей. Но кровать только одна. Где ещё две кровати?

– Олеанна спала с Андреем, – подняла на него искрящийся весельем взгляд принцесса.
– Когда они уехали, я заняла их комнату.

– А куда делась твоя старая кровать?

– Никуда. Я спала на матрасе на полу, но он лопнул.

– «Лопнул»? Матрас «лопнул»?

– Да, он был надувной. К сожалению, починить его я не смогла, поэтому никакой кровати нет. А купить новую мне не по карману.

Мелен буравил её взглядом, не зная, что сказать. Упрекать принцессу в том, что она не заработала на кровать, было как-то низко. Принцессы вообще не должны работать, если уж на то пошло.

– А какой-то ещё матрас есть? Может, пара толстых одеял?..

– Одеяла всего два, – с несколько переигранным прискорбием сообщила она. – Я с тобой поделюсь, хотя спать вдвоём теплее, особенно зимой. Если по каким-то причинам ты категорически против и тебе настолько неприятно моё соседство, то можешь лечь наверху на коврике или тут, на полу, – сделала она приглашающий жест.

Интриганка! Маленькая, длиннокосяя, коварная интриганка! Истинная дочь своего хитрозадого бати!

Мелен был абсолютно уверен, что второе спальное место отсутствует на маяке как класс абсолютно неслучайно, но затевать по этому поводу ссору он не собирался.

– Очень тебе сочувствую, потому что я храплю.

– Ничего, я сплю крепко, – парировала она.

– Что ж, вот и посмотрим. Ещё я иногда дерусь и пинаюсь во сне, за что заранее приношу извинения. Да и в остальном мои манеры оставляют желать лучшего.

– Это я уже поняла, товарищ Мелен, – со смешком ответила принцесса.

В немом протесте он оглядел третий этаж, словно ища подсказку. В округлом пространстве диаметром в шесть шагов располагалась кухонька с единственным столом, за которым они и ели.

– Пожалуйста, дай карандаш и чистый блокнот. Мне необходимо сделать записи, – проворкотал Мелен, и хотя просьба звучала вежливо, интонация не позволила сомневаться в том, что он раздражён.

Получив желаемое, он вернулся на пятый этаж и утонул в странном кресле, а потом принялся бездумно переносить на бумагу всё, что успел увидеть в записях Ртутника, касающееся межмировых порталов. Потрясение на памяти никак не сказалось, и строчки ложились чёткими линиями. Он сделал несколько рисунков и изобразил символы, которые успел запомнить. Заодно порадовался, что несколько дней до устранения преступника потратил на изучение и систематизацию его записей. Жаль, что увидеть успел не так уж много. Но лучше немного, чем ничего.

Несколько часов спустя, когда начало светать, на этаж поднялась принцесса.

– Товарищ Мелен, ты рассветничать будешь?

– Нет. Я занят. Не мешай, пожалуйста, – буркнул он, не поднимая головы от блокнота.

Как нарочно, важная мысль ускользнула, и он разозлился на то, что его отвлекли, но выхода гневу не дал, снова сделав оперативно-тактическое лицо.

Закончил ближе к полудню. Размял затёкшую шею и прикрыл воспалённые от напряжения и недосыпа глаза – последние дни операции по устранению Ртутника выдались очень тяжёлыми и практически бессонными.

Он устал. Просто устал. Нужно поесть, поспать, подышать свежим воздухом и постараться расслабиться, раз уж судьба подкинула ему вынужденный отдых на богами забытом маяке.

Мелен крадучись спустился в кухню, даже взглядом не мазнув по лежащей в постели принцессе. На столе, накрытая полотенчиком, его ждала порция какой-то местной каши с мягким волокнистым мясом в красном кисловатом соусе. Солидная порция, явно показывающая, что масштабы его аппетита маленькая хозяйка большого маяка оценила верно.

Стало стыдно за то, как он рычал на девчонку. Она старается сгладить углы, а он? А он заранее занял оборонительную позицию и мурзится. Хотя уж кто-кто, а принцесса не виновата в том, что в юности он был безмозглым дебилом, связался с такими же безмозглыми дебилами и принёс дебильную клятву на жизни.

За всё нужно платить, особенно за дебильные поступки. Как говорит дед – если ума в голове нет, то из задницы не достанешь.

Стараясь не шуметь, Мелен съел оставленную ему кашу и вымыл за собой посуду. Видимо, он всё же нашумел, потому что принцесса спустилась на кухню и сказала:

– Я могу дать тебе старый матрас, попробуешь его надуть и починить, если хочешь. Заплатки у меня есть. Второй кровати никогда не было, а покупать её после появления Андрея мы сочли слишком подозрительным. А с матрасом никаких проблем – сдуваешь и убираешь, будто его и не было. Зимой здесь холодно, и нам с Олеанной сначала пришлось спать вдвоём, чтобы не мёрзнуть, а потом мы как-то привыкли и смирились.

Матрас был спрятан в кладовке, и пришлось перекидать кучу мешков, чтобы до него докопаться. Наконец упакованный в специальный чехол рулон оказался у него в руках. Принцесса показала, как надувать матрас небольшим ручным насосом и выдала комплект чистого белья с одеялом, а потом сказала:

– Если не получится, то приходи. Я оставляю для тебя место на кровати, она большая.

Пока надувал драконову подстилку из резины, Мелен вспотел, всё проклял и решил, что эта башня, принцесса и матрас – некая форма божественного наказания за то, что он слишком редко ходил в храм Гесты и слишком часто клялся задницей Танаты. Возможно, вот таким изощрённым способом лунные сёстры решили ему отомстить.

Когда он наконец надул матрас и лёг сверху, стало понятно, что спать на нём не получится – дырок, кажется, было с десяток, а заплатки всего три.

Мелен попробовал устроиться на коврик, но в итоге вынужден был признать, что ведёт себя нелогично.

Спать рядом с принцессой и спать с принцессой – всё же разные вещи.

Оставив матрас на пятом этаже, он спустился в спальню и занял оставленное для него место на широкой, но довольно короткой кровати. Ноги упёрлись в деревянное изножье так, что он едва мог выпрямить колени, а в спальне было слишком светло – свет проникал с других этажей и выбивался из-за плотных занавесок.

Сон не шёл. Мелен не хотел возиться, чтобы не разбудить принцессу, поэтому не мог устроиться поудобнее, а потом плюнул на всё и повернулся к ней спиной.

Валуха прижалась к нему сзади, уткнувшись лицом между лопаток, и он почувствовал себя почти сволочью за то, что не хочет хотя бы обнять в ответ. Поощрять нездоровую влюблённость было бы жестоко, но и морозиться, не давая ни капли тепла, в котором принцесса явно отчаянно нуждалась – не сильно лучше.

Он примерно понимал, что произошло – юной принцессе было плохо и скучно, она выдернула из видений его образ и прикипела к нему душой. Учитывая тотальное одиночество, неувидительный расклад. Но как теперь быть ему? Дружеское общение она наверняка примет за симпатию, а любой жест будет бесконечно трактовать так, как удобно ей.

Посмотрел, потому что любит. Не посмотрел, потому что так любит, что аж смотреть не может. Улыбнулся, потому что думал о ней. Не улыбнулся, потому что думал о ней и переживал о будущем их отношений. Говорит только на отвлечённые темы, потому что боится затронуть самую важную. Молчит и ничего не делает, потому что боится быть отвергнутым.

Женщины умеют любой чих раздуть до размеров тайфуна, надумать три вагона ерунды, воодушевиться или обидеться на пустом месте... и при этом оставаться абсолютно глухими к тому, что им говорят прямо, без обиняков.

Принцесса тихой мышкой затаилась у него за спиной, и он снова тяжело вздохнул, понимая, что она не спит.

– Валюха, ты так и не рассказала, кто тебя похитил.

– А можешь не называть меня Валюхой?

– Ну... либо ты «Ваше Высочество», а я твой верноподданный, либо ты Валюха, и мы товарищи по несчастью. Выбирай.

– Я выбираю «Валери».

– Валюха так Валюха, как скажешь. Лучше колись, кому понадобилось тебя аж в другом мире прятать и для чего.

Она насмешливо фыркнула:

– Не переживай, до следующего прихода старой карги у нас полно времени. Успеем и наговориться, и на маяк насмотреться.

– Старая карга – это похитительница?

– Она самая. И если видения меня не обманывают, то ты должен будешь выпытать у неё какие-то важные сведения, а потом убить. Я много раз видела, как ты стоишь возле её тела.

– Пытать и убить старуху? Для этого нужны очень гуттаперчевые моральные принципы, – хмыкнул он.

– Ты... отказываешься?

– Я разве сказал, что мои принципы недостаточно гуттаперчевые? Посмотрим по обстоятельствам.

– Если ты сможешь открыть портал в Довар без этого, то пожалуйста, – покладисто согласилась принцесса, согревая тёплым дыханием спину.

– Я пока слабо представляю, как это сделать, – не стал лукавить Мелен.

– Я в тебе уверена, – не допускающим сомнений тоном ответила она, поудобнее устроившись за его спиной.

Жаль, сам он подобной уверенности не испытывал.

– И кто такая эта старуха? Кто-то из приближённых императора?

– Да. Но это такой долгий разговор... – в очередной раз начала юлить принцесса, а потом нарочито сладко зевнула и прижалась к нему теснее, прошептала: – Давай лучше спать.

Вся эта таинственность у Мелена уже в яйцах сидела, и чем дольше Валюха отмалчивалась, тем хуже становились предположения.

Кто всё-таки её похитил и с какой целью?

Иллюстрация: план маяка



// За иллюстрацию гигантское спасибо Инне «Шафран», замечательному, отзывчивому человеку, у которого руки растут из правильного места //

Пятая неприятность, вселоарельского масштаба

**Восьмое июля 1135-го года (Третье октября 2025-го года). После полуночи
Принц Трезан**

Трезан шёл по мощённой светлым гранитом дорожке, в ярком лунном свете казавшейся парящей над землёй. Парк императорского дворца переливался огнями – как обычно по ночам.

Сочная, тёмно-зелёная трава впитывала в себя энергию Луноликой с жадностью приговорённого к смерти – дыхание медленно крадущейся осени уже оседало по утрам холодной росой. Осень Трезан ещё терпел, а вот зиму не любил – она всегда навевала ощущение тоски и бессилия.

Возможно, из-за того, что его сестрёнку похитили именно зимой – снежным, серым днём, разделившим счастливую жизнь семьи Лоарелей на до и после.

Император и раньше много работал, а с пропажей Валери просто свихнулся на контроле – лично читал каждый отчёт, проверял дальние заставы и патрули. На протяжении двух последующих зимних месяцев Трезан отца практически не видел – тот был занят. Старшие братья помогали по мере сил, а его задвинули на задний план – лишь бы не путался под ногами. Чем может помочь одиннадцатилетний пацан, у которого даже не проснулся дар?

Ничем.

В присутствии посторонних мать ещё старалась держаться, но стоило ей остаться в кругу семьи, как на глазах набухали слёзы. С Трезаном времени она тоже почти не проводила – он слишком сильно напоминал ей об исчезновении своей сестры-двойняшки. То, что он и сам будто лишился половинки, никого не волновало. Да никто и не верил в это – слишком уж часто они с Валери дрались в детстве, слишком много гадостей говорили и делали друг другу, особенно за спиной у взрослых.

Вот Трезан и молчал. Искал сам – в меру сил. Сначала в этом огромном дворцовом парке, а когда уехал учиться в академию – среди однокурсниц, в столице и других городах, где удавалось побывать.

Он никогда не признавался ни родителям, ни старшим братьям, но был рад уехать из дворца на учёбу – слишком гнетущим казалось дорогое убранство залов и коридоров. Вся эта наследная роскошь не стоила ничего: не имеет значения, где быть несчастным – в королевских покоях или в студенческом общежитии.

Теперь общежитие сменилось казармой, преподаватели – командирами, а гражданская одежда – белой курсантской формой. Кажется, её нарочно придумали такой маркой, чтобы доставить нерадивым молодым магам ещё больше неудобств. Сходишь поесть в столовую – обязательно посадишь пятно. Сядешь на крыло маголёта – останется пыльный след на заднице. Просто выйдешь подышать свежим воздухом – какая-нибудь дрянь обязательно налипнет на брюки. Хорошо хоть армейские ботинки им выдавали с высоким голенищем до середины икры.

Вот и сейчас Трезан шёл осторожно, по новой привычке стараясь не забрызгать белые брюки, хотя уж во дворце-то было кому их постирать и высушить. Но служба в Седьмой эскадрилье уже оставила в нём след, а дисциплина впитывалась в кожу с каждым нарядом вне очереди.

Командор Кеммер Блайнер не делал исключений ни для принца, ни для своего кузена Дервина Местра. Порой даже казалось, что за ними он следит особенно пристально, безжалостно фиксируя каждый промах. Зато отцу не докладывает, и на том спасибо.

Или всё же докладывает? Иначе зачем император вызвал младшего принца к себе этой ночью?

Трезан мысленно прокрутил в голове все последние прегрешения: одну едва не случившуюся драку и одну совершенно однозначно случившуюся небольшую попойку, за которую они с Дервином отсидели сутки в холодном карцере. Как выразился командор Блайнер, «в глубокомысленных раздумьях о пользе трезвости на месте службы». А всё этот дурной норт Мезар – сумел-таки сбродить ягоды кикада и получить из них настолько кислое вино, что курсанты от него больше кривились, чем пьянели. Но всё равно выпили. Зачемпил Трезан, которому были доступны самые изысканные напитки мира? Ради интереса и за компанию.

Это Дервин Местр – благородный ноблард, а вот Кенвер Зоур – из самой обычной семьи, но Трезан никогда не смотрел на одного из двух ближайших друзей свысока. Если это означало пить пенную кислотину, топил. И даже хвалил, когда переставало сводить челюсти оскоминой. Норт пообещал следом поставить грибную самогонку, и весь курс ждал результата с нетерпением, делая ставки, вызнает ли дотошный командор о спрятанном в лесу самогонном аппарате, и пока что результаты ставок показывали, что в прозорливость Блайнера народ верил сильнее, чем в удачу Мезара.

Трезан невольно улыбнулся, вспоминая дурачества курсантов, в новый коллектив которых он уже успешно влился – не зря распивал с ними кислотину.

Всё же в части с жёстким расписанием, постоянными изматывающими тренировками и непрерывными воздушными боями ему жилось куда вольготнее, чем во дворце, из которого с пропажей Валери пропало и счастье.

Приближённые императора – около пятидесяти магов – уже собрались в малой гостиной, Трезан оказался одним из последних прибывших. Родственники по отцовской линии все были как на подбор – в традиционном тёмно-зелёном и с длинными косами. Трезан чинно поздоровался сначала с дядей Мигнаром, занимающим пост Советника при отце, а потом и с пожилой тётей Альванией, чья холодность и доходящая до чёрствости строгость не находила в нём отклика ни в детстве, ни в юношестве.

Чуть поодаль в компании беременной жены улыбался старший принц Ардан. Трезан поприветствовал кивком и родного брата, и невестку, и сопровождающего их Скейна Скоуэра – бесстыдно холостого, вопиюще приближённого к императорской семье и возмутительно привлекательного внешне.

Среди незамужних нобларин за ним шла охота куда более яростная, чем даже за Трезаном, и последнего такое положение дел полностью устраивало. Пусть донимают вниманием подающего большие надежды внука столичного руководителя Службы Имперской Безопасности, которому тот крайне благоволил. Сам руководитель агентурной сети страны тоже присутствовал и о чём-то разговаривал с императором в дальнем углу залы.

Трезан не стал их прерывать. Заприметил мать, оживлённо беседующую с бабушкой, и двинулся к ним.

– Приветствую, мои прекрасные нобларины.

Обе обернулись и синхронно улыбнулись ему почти одинаковой улыбкой – императрица Эмлана хоть и была на полголовы выше и несколько крупнее матери, но красотой и миловидностью пошла именно в неё. Говорят, шестьдесят – семьдесят лет назад бабушка блистала в высшем свете и едва не составила партию их прадеду, но тот в итоге женился на одной из Болларов.

Впрочем, династический брак с Деанями всё же состоялся, только на поколение позже.

– Трезан, мальчик мой, как же тебе идёт форма! – ласково похвалила единственная оставшаяся в живых бабушка.

Мать императора скончалась через полгода после исчезновения Валери – и так была стара, а тут совсем угасла, поэтому бабушку по матери Трезан ценил и старался регулярно ей писать.

– Спасибо, ты тоже выглядишь чудесно. Как самочувствие?

– Неплохо, а всё благодаря отдыху. Сорок лет я каждый месяц езжу к морю и всем советую, – наставительно изрекла она. – И Эмлане говорю: нужно регулярно отдыхать на природе, а лунный загар чудесно омолаживает.

– Мама, у меня слишком много обязанностей во дворце, чтобы можно было каждый месяц всё бросать и уезжать к морю на целую неделю, как ты, – дежурно улыбнулась императрица. – Однако периодически я следую твоим наставлениям.

– Вот и умница, – нобларина Эвада Деа́нь величественно кивнула дочери и повернулась к внуку: – А для тебя у меня кое-что есть, курсант. В качестве поздравления с началом взрослой жизни, – она поманила Трезана за собой, отвела в сторону и морщинистой рукой вложила в крепкую ладонь красивейшее кольцо с редким синим эвклазом. – Не показывай Эмлане, не то она расстроится из-за упоминания Валери. Я хранила это колечко для твоей сестры, но боюсь, что уже никогда не увижу её. Это тебе, Трезан. Подаришь своей будущей невесте. Пора бы тебе жениться: уже третий десяток пошёл, а ты всё ходишь холостым, – мягко укорила она.

– Спасибо, бабушка. Если кольцо предназначалось Валери, то лучше я его сохраню для неё. Надеюсь, однажды мы её всё же отыщем.

– Вы-то, может, и отыщете, а доживу ли до того момента я? Мне хотя бы на твою свадьбу посмотреть, Трезан. Ты уж не откладывай...

– Между прочим, дядя Мигнар и вовсе на четвёртом десятке женился, – отмахнулся он. – А мне ещё рано. Честное слово, не нашёл я пока девушку, которую не сожрали бы с потрохами в нашем милом семейном кругу.

– Фу, какой невоспитанный грубиян вырос из моего очаровательного мальчика, – ласково укорила бабушка и расцвела в шкодливой улыбке, осветившей морщинистое лицо: – Неудивительно, что ни одна приличная нобларина не желает с тобой водиться... кроме этой, как её... проклятой Кайры Боллар.

Лицо Трезана мгновенно посуровело:

– Изволь не трогать Кайру, мы всего лишь друзья.

– И правильно. Ведёт себя, как мужик, вот и обращаться с ней нужно соответственным образом.

– О ком речь? – мягко влилась в беседу императрица.

– О Кайрэне Боллар, – ответила бабушка.

– Кайра – очень достойная и талантливая нобларина, – с нажимом сказал Трезан, предостерегающе глядя на мать.

Императрица Эмлана крепко дружила с Моэрой Блайнер, после замужества влившейся в род Местров, и в противостоянии Болларов и Блайнеров занимала вполне однозначную сторону.

Трезан же придерживался иного взгляда. Да, покойные Отральд и глава семейства Болларов обошлись с Моэрой отвратительно, но взамен она прокляла на вымирание весь их род, что теперь отражалось на ни в чём не повинном последнем поколении.

Никто из младших Болларов не мог сочетаться браком без того, чтобы первый супруг или супруга не погибли в течение нескольких часов после проведения обряда. Надо ли говорить, что желающих породниться с проклятым родом не находилось, а из-за высокого налога на безбрачие их семья стремительно скатывалась в нищету?

Колючей, изведённой насмешками Кайре Трезан искренне сочувствовал – ей на исконно мужском боевом факультете всегда приходилось крайне сложно, и едва ли не каждый вшивый ретроград норовил куснуть единственную однокурсницу за то, что она посмела выбрать мужскую профессию. Сам он решительность и храбрость подруги уважал, а насмешникам затыкал рты по мере сил, но иногда Кайра нарывалась сама, и с этим ничего поделать было нельзя. Такой уж характер.

Императрица Эмлана слегка поджала губы, показывая неодобрение:

– Вечно где Боллары, там сплошные скандалы и неприятности. Бреур только и умеет, что требовать послаблений и трепать Пеннару нервы, будто бы в Синклите не тридцать шесть родов, а одни лишь они, и всё внимание должно быть уделено лично им, а законы переписаны под удобство их семьи. А эта Кайра ведёт себя возмутительно и неподобающе – словно нарочно бросает вызов всему обществу. Была бы поумнее, действовала бы мягче, а она только врагов наживает.

– Мама, – довольно резко оборвал её Трезан. – Ты изволишь говорить о моей подруге и девушке выдающихся способностей. Одно изобретённое ею заклинание летучего паралича чего стоит. Оно, знаешь ли, принесёт миру намного больше реальной пользы, чем ношение платьев или вышивание крестиком.

Императрица Эмлана прищурилась, внимательно глядя на младшего сына, а затем протянула в присущей ей элегантной манере:

– В таком случае я очень рада, что эта во всех смыслах неординарная нобларина теперь работает в Службе Имперской Безопасности. Там ей и место.

В воздухе повисло недосказанное «а не рядом с тобой, Трезан», и он лишь фыркнул в ответ.

К Кайре он относился с уважением и в чём-то даже с восхищением, но особых романтических чувств к ней не испытывал, несмотря на то, что внешне она была очень даже привлекательна. Возможно, дело в выражении её лица, которое Дервин Местр называл кастрирующим. Или в том, что пару раз она надрала Трезану задницу в бою. А возможно, в том, что сама она никакого интереса к парням не проявляла.

Мысли Трезана прервал голос отца – густой и привыкший повелевать, лежащий на плечи невидимым грузом и парадоксальным образом требующий с этим грузом взлететь. Честное слово, даже командор Блайнер меньше давит!

– Нобларды и нобларины, в этой комнате сегодня я собрал своих самых близких и доверенных лиц. Мы с братьями и Арданом уже несколько месяцев работаем над новым проектом и хотим официально объявить о его запуске. Пожалуйста, занимайте места за столом. Моя дражайшая супруга позаботилась о том, чтобы украсить наш вечер цветами и закусками, несмотря на всю серьёзность предстоящего объявления.

По залу пронеслась тихая волна озабоченных вздохов, дамы зашуршали платьями, занимая места за столом и переглядываясь. Даже на лице императрицы Эмланы на мгновение проступило удивление, а сам Трезан ничего не знал, поэтому смотрел на отца с возрастающим вниманием.

Когда все приглашённые расселись, император занял место во главе стола.

– Вы все знаете, что мир и безопасность Лоарельской Империи – понятие довольно эфемерное. Ситуация у Разлома становится всё более напряжённой с каждой минутой: твари, которых десятилетиями удавалось сдерживать под решёткой, смогли прорыть ходы в земле и теперь выходят на поверхность на расстоянии нескольких лиг от укреплений. Маги пока справляются с поддержанием Блокады, однако прогнозы неутешительны. Трезан, мальчик мой, ты видел ситуацию своими глазами. Что ты можешь нам поведать о текущей обстановке? – обратился он к младшему сыну.

– Мы регулярно патрулируем на маголётах и территорию Разлома, и окрестные леса. Правда, они слишком густы, чтобы можно было хоть что-то разглядеть с неба, особенно по ночам. Пилоты переучиваются, чтобы летать днём, в лучах Солара, но вы и сами знаете, насколько это сложно для полуночников. Обстановка напряжённая, много жертв среди пехоты, которая прочёсывает леса в поисках новых нор. Авиация хорошо справлялась с кантрадами на расчищенных площадках, а в лесу... В наземном бою в условиях ограниченной видимости у кантрадов есть серьёзные преимущества, – честно ответил младший принц.

Он хотел бы добавить, что, на его взгляд, ситуация стремительно превращается из плохой в катастрофическую, но не уверен был, насколько это уместно на торжественном ужине среди дам.

Интересно, что задумал отец на этот раз?

Император оглядел собравшихся.

– Отчёты, которые получаю я, ещё менее утешительны. Начиная с сегодняшнего дня мы отменяем все увеселительные мероприятия во дворце. Я знаю, что близится сезон балов и премьер, но в этом году мы покажем пример всей Империи и воздержимся от празднований. Сэкономленные деньги пустим на медицинские расходы, они существенно возросли за последние месяцы. Я поощряю присутствующих заниматься благотворительностью, а обладателей целительского дара – личным примером показать свою приверженность общему делу. И речь не о показательных дежурствах в госпиталях раз в сезон, я говорю о полноценной вовлечённости в процесс. Целителей остро не хватает, а теперь потребность в них возрастет ещё сильнее. Всех дееспособных целителей мужского пола я в ближайшее время призову к Разлому, только сначала проведу встречу с Синклитом. От собравшихся я ожидаю, что вы зададите тон остальной аристократии. Клиники столицы не должны опустеть, а мирное население не должно остаться без медицинской помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.